СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

ПО СПИСКУ,

НАЙДЕННОМУ МЕЖДУ БУМАГАМИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

АДЪЮНКТА П. ПЕКАРСКАГО.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ Vму ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1864.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
И. Базунова, въ Москвѣ.
Энфянджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 25 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. 29 февраля 1864 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

ПО СПИСКУ,

НАЙДЕННОМУ МЕЖДУ БУМАГАМИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

АДЪЮНКТА П. ПЕКАРСКАГО.

Въ Государственномъ Архивѣ, между рукописями, исключительно почти писанными императрицею Екатериною II, хранятся шесть фоліантовъ собственноручныхъ черновыхъ бумагъ Государыни. Онѣ заключаютъ въ себѣ ея «Записки касательно россійской исторіи», которыя, по волѣ ея, печатались въ журналѣ Собесѣдникъ, издававшемся при княгинѣ Дашковой отъ Академіи Наукъ*). Шестой изъ этихъ фоліантовъ содержитъ въ себѣ собраніе различныхъ отрывковъ, хронологическихъ и родословныхъ замѣтокъ, также выписокъ, или дѣланныхъ самою Императрицею, или представленныхъ другими лицами для соображеній ея при составленіи названныхъ Записокъ.

Такимъ образомъ, здѣсь на л. л. 6—24 встрѣчается составленная Государынею и вся ею написанная «О преподобномъ Сергіѣ историческая выпись», гдѣ изложены, на основа-

---

*) Въ Вѣстникѣ Европы 1813 г. №№ 21, 22, стр. 83, 85 гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ говоритъ, что Екатерина черновыя свои записки касательно россійской исторіи подарила ему, и что онѣ погибли вмѣстѣ съ другими рукописями его въ Москвѣ при нашествіи Французовъ 1812 г. Быть можетъ, Императрица отдала гр. Мусину-Пушкину другой экземпляръ помянутыхъ черновыхъ записокъ, потому что она писала и переписывала, какъ видно по оставшимся черновымъ ея рукописямъ, свои сочиненія по нѣскольку разъ.

ніи извѣстнаго житія этого лица и съ замѣтнымъ желаніемъ удержать обороты церковно-славянскаго языка, главнѣйшія событія изъ жизни радонежскаго чудотворца. Въ концѣ выписи Екатерина говоритъ: «О прочемъ житіи и чудесѣхъ преподобнаго игумена Сергія смотри Минеи-Четьи и иныя многія книги печатныя и рукописныя, (кои) за множествомъ же здѣ неудобовозможно вмѣщаемы быти *)».

Въ нѣкоторыхъ изъ отрывочныхъ замѣтокъ императрицы на отдѣльныхъ листкахъ высказаны взгляды и мысли ея о русскомъ народѣ и языкѣ, такъ напр.

«Области русскія изстари наполнены были народами храбрыми.

«Области свои обороняли храбро.

«Непрерывно всякое иго чуждое опровергали при каждомъ удобномъ случаѣ.

«Немалое число обитателей войнами истреблено, другіе попадались въ плѣнъ». (л. 174).

Святослава I свойства похожи на Карла XII, короля шведскаго (л. 186)».

«Въ концѣ (вѣроятно записокъ касательно россійской исторіи) исполнить долгъ благодарнаго сердца.

«Собиратель сихъ Записокъ касательно россійской исторіи не въ числѣ змѣй, вскормленныхъ за пазухою: онъ вѣкъ свой тщился выполнить долгъ благодарнаго сердца.

Похвальное не оставлять безъ хвалы,
Нехвальное безъ пороченья;
Но то дѣло не мое
Добраго умалить доброты,
Порочнаго умножить дурноты.

«Сіе наипаче непростительно врачу или дѣтскому учителю (л. л. 204 и 230)».

---

*) Въ этой выпискѣ, а также и другихъ, помѣщенныхъ въ настоящей статьѣ, не сохранено ошибокъ Екатерины противъ языка и правописанія: свѣдѣнія о томъ, какъ писала по русски государыня и примѣры тому уже приведены въ статьѣ «Матеріалы для исторіи журн. и литер. дѣятельности Екатерины II», Записки Ак. Н., 1863 г., томъ III книжка 2, приложеніе VI.

«Славянскому языку главнѣйшіе непріятели были римскіе, латинскіе монахи: они старались славянскаго языка не токмо истребить вездѣ, гдѣ онаго нашли, но бывъ (предъ) убѣжденіями наполнены, старались все выводить и приводить къ латинскому основанію, затмѣвая славянскія начала».

«Однако колико ученый, кто (какъ) ни есть ученъ, буде не прилежитъ крѣпко ко знанію славянскаго языка, весьма много начальнаго знанія не токмо не будетъ знать, но сверхъ того на каждомъ шагу подверженъ ежечасно ошибкамъ, предъубѣжденіямъ и вертопрашеству, наипаче во знаніи языка, исторіи, законовъ, нравовъ, обычаевъ и начальнаго основанія всякаго народа».

«Всякой опытъ несумнѣнно подтвердитъ вышеписанное, а не ослабитъ онаго (л. 267)».

«Народъ славянскій былъ народъ вольный: одни плѣнные были у нихъ въ неволѣ (л. 275)».

«Слово челобитье чаятельно словечко татарское: славяне били, но не били челомъ (л. 288)».

Императрица признала также для себя нужнымъ сдѣлать выписку (л. 282) изъ извѣстнаго разсужденія Ломоносова, гдѣ между прочимъ говорится: «Карлъ V римскій императоръ говаривалъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, итальянскимъ съ женскимъ поломъ — говорить прилично; но если бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно и т. д.».

Между подобными собственноручными замѣтками и выписками Екатерины въ описываемый фоліантъ переплетены нѣкоторые матеріалы, относящіеся до русской исторіи. Всѣ они переписаны на бѣло разборчивымъ почеркомъ писцовъ прошедшаго столѣтія и содержатъ въ себѣ или списки съ разныхъ письменныхъ памятниковъ, или историческія справки и извле-

ченія. Въ числѣ первыхъ есть (л. л. 54—132) довольно обширное собраніе актовъ, объясняющихъ отношенія Новгорода къ Москвѣ при великихъ князьяхъ Иванѣ Даниловичѣ, Андреѣ, Дмитріѣ Ивановичѣ, Васильѣ Дмитріевичѣ, Васильѣ Васильевичѣ, Иванѣ Васильевичѣ съ сыномъ Иваномъ Ивановичемъ. Далѣе есть «Выписка изъ лѣтописца Никонова подъ лѣтомъ 1395» (л. л. 133—140) и «изъ пролога изъ слова на 26 день августа, о принесеніи изъ Владиміра чудотворныя иконы пресвятыя Богородицы» (л. л. 141—144).

Между выписками и извлеченіями находится никѣмъ не подписанная справка (л. л. 147 — 148) о соборѣ, бывшемъ въ Переяславлѣ въ 1313 году. (См. въ концѣ настоящей статьи приложен. III.) Здѣсь объясняется невѣрность извѣстія, сообщеннаго Татищевымъ о причинѣ этого собора и доказывается, на основаніи житія митрополита Петра въ Четьи Минеяхъ и Никоновской лѣтописи, что соборъ былъ созванъ вслѣдствіе доноса тверскаго епископа Андрея на сейчасъ названнаго митрополита. Должно предполагать, что Екатерина, сдѣлавъ на это свое замѣчаніе, высказала догадку о причинѣ ссоры между помянутыми духовными и о происхожденіи епископа Андрея «отъ роду князей литовскихъ», потому что авторъ первой справки въ другой запискѣ своей о томъ же предметѣ (л. 145) упоминаетъ о справедливости какого-то замѣчанія императрицы и потомъ прибавляетъ: «признаюсь со благоговѣніемъ, сіи обстоятельства мнѣ совершенно были неизвѣстны, почему за вразумлѣніе меня оными пріемлю смѣлость принесть вѣрноподданническую благодарность». (См. прил. IV.)

Далѣе встрѣчаемъ «Выписку изъ лѣтописей о великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ» (л. л. 151—156) гдѣ въ началѣ сдѣланы по лѣтописямъ сличенія годовъ рожденія и вступленія на престолъ этого князя, а потомъ сообщено: «въ лѣтописяхъ изчислены войска (собранныя Донскимъ противъ Мамая), показаны, какіе пришли князи, но о новгородскихъ силахъ въ иныхъ совсѣмъ не упомянуто, въ другихъ сказано только, что и новгородцы послали свое войско къ Коломнѣ на помощь великому князю; впрочемъ не означено ни числа посланнаго войска, ни что было къ тому поводомъ. Въ одной же, *имѣющейся*

у меня весьма древней рукописи все то описано въ подробности и съ малѣйшими обстоятельствами, которое описаніе приводится здѣсь подлинникомъ»... За тѣмъ слѣдуетъ извѣстіе о прибытіи вспомогательнаго войска изъ Новгорода, которое дѣйствительно до нынѣ не упоминается ни въ одномъ описаніи нашествія и пораженія Мамая. (См. прил. V.)

Кромѣ того есть еще записка о мѣстѣ погребенія иноковъ сергіевской лавры Пересвѣта и Ослабя (л. 146), бившихся на Куликовскомъ полѣ въ войскѣ Донскаго. Авторъ записки говоритъ при томъ: «для лучшаго удостовѣренія о семъ, писалъ я къ викарному московскому Серапіону». (См. прил. VI.)

Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ Пушкинъ, разсказывая въ своей автобіографіи *) о началѣ и умноженіи своего собранія старинныхъ рукописей и вообще древностей, сохранилъ при томъ слѣдующее извѣстіе: «Великая Екатерина, узнавъ о семъ, удостоила его (т. е. графа) личнаго съ собою обращенія. Ей угодно было видѣть собранныя имъ нѣкоторыя лѣтописи и Крекшину принадлежавшія бумаги, которыя съ крайнимъ любопытствомъ разсмотрѣвъ, благоволила нѣкоторыя оставить у себя, а вмѣсто того пожаловала ему нѣсколько харатейныхъ книгъ и древнихъ лѣтописей и бумагъ, въ кабинетѣ ея находившихся, кои самой ей читать было трудно, и поручила ему изъ оныхъ и изъ другихъ древнихъ книгъ обо всемъ, что до россійской исторіи касается, дѣлать выписки, дозволивъ искать всюду и требовать, что найдетъ для сего нужнымъ»... Это извѣстіе заставляетъ предполагать, что вышеназванные матеріалы, справки и записки, писанные рукою одного переписчика, были доставляемы Императрицѣ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, тогдашнимъ оберъ-прокуромъ синода. Еще болѣе въ томъ убѣждаетъ сохранившійся между тѣми же бумагами списокъ «Слова о полку Игоревѣ, Игоря сына Святославля, внука Ольгова» (л. л. 25 — 33), переводъ его на русскій языкъ съ примѣчанія-

---

*) Вѣстникъ Европы 1813 г. №№ 21, 22, стр. 82. Что помѣщенныя здѣсь «Записки для біографіи графа А. И. Мусина-Пушкина» писаны имъ самимъ, о томъ подробно указано въ Словарѣ достопамятныхъ людей Бантышъ-Каменскаго, (изд. 1847 г.) II, 468.

ми (л. л. 34 — 50) и краткое изложеніе содержанія всей поэмы (л. л. 157 — 158).

Извѣстно, что этотъ памятникъ нашей древней словесности найденъ былъ помянутымъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ одномъ старинномъ сборникѣ, въ 1795 году. Въ 1800 г., онъ изданъ въ Москвѣ (подъ заглавіемъ «Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новограда-Сѣверскаго Игоря Святославича»); потомъ подлинникъ успѣли видѣть только шесть человѣкъ изъ ученыхъ и знатоковъ старины, а въ 1812 году, при нашествіи французовъ, подлинная рукопись Слова о полку Игоря погибла въ Москвѣ вмѣстѣ съ библіотекою графа Мусина-Пушкина. Изданіе Слова 1800 г. сдѣлано безъ подробнаго описанія внѣшности рукописи и безъ объясненія, точно ли издатели слѣдовали при томъ буквѣ подлинника и, если сдѣлали измѣненія въ правописаніи или же отступленія, то какія именно?

Списокъ Слова о полку Игоря, сохранившійся въ бумагахъ Екатерины II, можетъ въ томъ отношеніи имѣть значеніе, что это есть единственная до нынѣ извѣстная и неподлежащая сомнѣнію копія съ вышепомянутаго утраченнаго подлинника. Дубенскій во «Взглядѣ на исторію литературы Слова о полку Игоря» (Русскія достопамятности, III. 1844 г., стр. IV) говоритъ: «подлинная рукопись, съ которой печатано первое изданіе Слова о полку Игоревомъ погибло невозвратно, другаго списка нѣтъ.... Носятся по библіотекамъ любителей нѣкоторые призраки списковъ Слова о полку Игоревомъ и морочатъ умы. Къ числу ихъ принадлежитъ рукопись г. Актова, о которой и московскому историческому обществу далъ первое извѣстіе г. дѣйств. членъ Діевъ. Вѣроятно она изъ числа тѣхъ, о которыхъ упоминаетъ Москвитянинъ (1841 г. № 3, стр. 245), работы А. Бардина; но извѣстно, что онъ списывалъ съ печатнаго текста, почему рукописи его не стоятъ вниманія любителей».

Екатерининскій списокъ Слова переписанъ рукою того же писца, который писалъ нѣкоторыя изъ справокъ и записокъ, обращенныхъ къ императрицѣ. Что списокъ этотъ былъ читанъ и при томъ со вниманіемъ, то доказываютъ сдѣланныя въ немъ карандашемъ отмѣтки противъ нѣкоторыхъ выраженій. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ сказать, что въ фоліантѣ, въ кото-

ромъ переплетенъ списокъ, встрѣчается очень много великокняжескихъ родословій, черченныхъ и писанныхъ самою Екатериною: видно, что она, занимаясь этимъ, желала уяснить себѣ родственныя отношенія разныхъ княжескихъ родовъ: самая бо̀льшая часть такихъ родословныхъ замѣтокъ Императрицы касаются именно той эпохи и именно тѣхъ князей, о которыхъ идетъ рѣчь въ Словѣ о полку Игоря, въ чемъ не трудно убѣдиться, когда просмотрѣть листы: 184, 188, 189, 190, 191, 193, и мн. др. На листѣ 269 императрицею же написано слѣдующее распоряженіе:

«Требовать *изъ Чернигова*, *Переяславля*, *Новогородка-Сѣверскаго*, чтобъ прислали реестры рода Рюрикова князей поименно, какъ въ тѣхъ городахъ сохранены. Также и супругъ тѣхъ князей и, буде отъищутся супруги, отъ какого рода. Также просить митрополита кіевскаго и архіереевъ вышеписанныхъ городовъ, чтобъ изъ монастырей тѣхъ епархій такіе же реестры присланы были.»

«Симъ чаять можно, что исторія россійская выправится. Изъ Новограда, Ростова и Суздаля не худо бы тоже требовать. Изъ московскаго архангельскаго собора и изъ Владиміра то же потребовать. Также изъ Рязани.

«Всего бы лучше, буде бы о семъ синодъ требовалъ порядочные реестры.»

Въ Словѣ о полку Игоря встрѣчается слово *Уримъ*, противъ котораго въ переводѣ, приложенномъ къ Екатерининскому списку, сказано: «кого подъ именемъ Урима сочинитель здѣсь разумѣется, неизвѣстно» *). Быть можетъ, Екатерина имѣла въ виду это слово, когда записала на одномъ листкѣ (171) въ томъ же фоліантѣ: «урманъ по турецки значитъ лѣсъ.»

Краткое содержаніе Слова, находящееся въ екатерининскихъ бумагахъ, въ общемъ изложеніи сходно съ тѣмъ, что̀ помѣщено въ началѣ печатнаго изданія 1800 г.; первое только короче и при томъ Ярославна, плакавшая въ Путивлѣ о мужѣ, названа «супругою младаго Владиміра, князя путимльскаго», тогда какъ въ печатномъ объ этой княгинѣ говорится,

*) Въ изданіи Слова 1800 г. объяснено, что Уримъ будто бы былъ воевода или одинъ изъ союзниковъ князя Игоря.

какъ о женѣ Игоря, дочери Ярослава Владиміровича Галичскаго. Краткаго описанія рукописи, въ которой найдено Слово о полку Игоря, (въ изд. 1800 г., стр. VII, VIII), въ Екатерининскомъ спискѣ вовсе нѣтъ. (См. въ концѣ настоящей ст. прил. I.)

Гр. Мусинъ-Пушкинъ въ предисловіи къ изданію 1800 г. упомянулъ, что онъ «чрезъ старанія свои и просьбы къ знающимъ достаточно россійской языкъ доводилъ чрезъ нѣсколько лѣтъ переводъ (Слова) до желанной ясности и нынѣ, по убѣжденію пріятелей, рѣшился оный издать на свѣтъ». Бантышъ-Каменскій въ Словарѣ достопамятныхъ людей говоритъ, что «въ переводѣ Слова о полку Игоря трудились, вмѣстѣ съ гр. Мусинымъ Пушкинымъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій и А. Ѳ. Малиновскій*).» При Екатерининскомъ спискѣ Слова есть также переводъ и примѣчанія (см. прил. II). По сличеніи ихъ съ тѣми, которые приложены къ изданію 1800 г., не трудно убѣдиться, что печатные переводъ и примѣчанія одной и той же редакціи съ находящимися въ екатерининскихъ бумагахъ, но съ нѣкоторыми дополненіями и поправками того, что въ послѣднихъ осталось вовсе безъ объясненія. Такъ напр. въ рукописномъ переводѣ иногда вовсе пропущены выраженія, оставшіяся не понятными для переводчиковъ. Въ изданіи 1800 года болѣе примѣчаній; нѣкоторыя изъ нихъ противъ рукописныхъ сокращены, потому что въ послѣднихъ приведены справки изъ лѣтописей о разныхъ удѣльныхъ князьяхъ, довольно обширныя, но нисколько не разъяснявшія текста Слова о полку Игоря.

Для избѣжанія недоразумѣній, обязанностью считаю предупредить, что я помѣстилъ здѣсь екатерининскій списокъ Слова о полку Игоря буква въ букву, съ сохраненіемъ всѣхъ знаковъ препинанія и даже тѣхъ сокращеній, которые переписчикъ дѣлалъ только для избѣжанія переноса окончанія слова въ другую строку. Въ скобкахъ [ ] напечатаны съ разрядкою тѣ отмѣны, противъ екатерининскаго списка, которыя встрѣчаются въ печатномъ изданіи Слова 1800 г. И въ этомъ случаѣ также отмѣчены всѣ, даже самыя ничтожныя разности.

*) Словарь достопамятныхъ людей, (изд. 1847 г.), II, 458.

СЛОВО

О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ,

ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ,

ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начати [начяти] старыми словесы трудныхъ повѣстій о полку [пълку] Игоревѣ, Игоря Святъслав[л]ича? Начатижесятъ [начати же ся тъй] пѣсни по былинамъ [былинамь] сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснѣ [пѣснь] творити, то расте[ѣ]кашется мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ [вълкомъ] по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ [Помняшеть] бо речь первыхъ [първыхъ] временъ усоби[і]цѣ; тогда пущашетъ 10-ть соколовъ [і҃ соколовь] на стадо лебеде[ѣ]й. Который дотечаше, та преди пѣснѣ [пѣсь] пояше, старому Ярославу [Ярослову], храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ полкы [пълкы] Ко[а]сожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не 10ть соколовъ [і҃ соколовь] на стадо лебеде[ѣ]й пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху. Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря. Иже истягну умъ [умь] крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наполнився [наплънився] ратнаго духа, наведе своя храбрыя полкы [плъкы] на землю Полове[ѣ]цькую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою

вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ братіе на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону. Спала Князю умъ [умь] похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго. *Х*ощу бо, рече, ко́піе [копіе] приломити конець поля Половецкого [Половецкаго] съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити Ш[ш]еломомь Дону. О Бояне, соловію старого [стараго] времени! абы ты сіа полкы [плъкы] ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умо^м [умомъ] подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы? Пѣти было пѣснѣ [пѣсь] Игореви, того Ольга*) [Олга] внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; Галици [галици] стады бѣжать къ Дону [дону] великому; чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовъ [Велесовь] внуче: к[К]омони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И речь [рече] ему б[Б]уй Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, оди^н [одинъ] свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславлича; сѣдлай брате свои бръзыи комони, а мои ти готови осѣдлани у Курьска напереди [на переди]; а мои ти к[К]уряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣляни [възлелѣяны], конець копія въскръмлени, пути имъ [имь] вѣдоми, яругы имь [имъ] знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострени, сами скачютъ [скачють] акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ. Тогда вступи [въступи] Игорь Князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тмою [тъмою] путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; [свистъ звѣринъ въ стазби**)]; дивъ кличеть [кличетъ] врьху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, влъзѣ, и по морію, и по Сулію, и Сурожу, и Корсу-

---

*) Слово *Ольга* въ екатерининскомъ спискѣ, также какъ и въ печатномъ изд. Слова 1800 г., стоитъ въ скобкахъ ( ).

**) Выраженіе «свистъ звѣринъ въ стазби» въ екатерининскомъ спискѣ вовсе пропущено; но въ приложенномъ при немъ переводѣ оно есть и передано такъ: «поднялся свистъ звѣрей въ ихъ логовищахъ».

ню *), и тебѣ Тъ[ь]мутораканьскый блъванъ; а Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крычатъ те[ѣ]-лѣгы полунощы; рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасеть [пасетъ] птиць; подобію волци [влъци] грозу въсрожать [въ срожатъ] по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чрленыя [чръленыя] щиты. О руская земле! уже за Шоломянемъ еси долго: ночь мрькнетъ [за Шеломянемъ еси. Длъго. Ночь мркнетъ], заря свѣтъ запала, мьгла [мъгла] поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ Г[г]аличь убуди. Русичи великая поля чрълеными [чрьлеными] щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы; с' [Съ] заранія въ пякъ [пяткъ] потопташа поганыя полкы [плъкы] Половецкыя; и рассушась [рассушясь] стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; орътмами [орьтъмами], и япончицами, и кожухы начаша [начашя] мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Полове[ѣ]цкыми. Чрълень [Чрьленъ] стягъ, бѣла хорюговь, чръвлена [чрьлена] чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю [Святьславличю]. Дремлеть [Дремлетъ] въ полѣ Олгово [Ольгово] хороброе гнѣздо далече залѣ[е]тѣло; не было нъ [небылонъ] обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ черный [чръный] воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжить [бѣжитъ] сѣрымъ волкомъ [влъкомъ]; Кончакъ, ему слѣдъ править къ Дону В[в]еликому.

---

*) Въ рукописномъ переводѣ, приложенномъ къ екатерининскому списку, это мѣсто передано такъ: «кричитъ дивъ (филинъ) вверху древа; раздается его гласъ въ землѣ незнаемой, по *Ворсклѣ, по Хоролю*, по Сулѣ, *по Суугли* и пр., и при томъ примѣчаніе: «*Ворскла, Хороль*, Сула, *Суугли* суть рѣки пограничныя къ половцамъ, которые близь ихъ кочевали. На берегахъ Ворсклы бывали многія сраженія у русскихъ съ половцами. На Хороли съѣзжались россіане не рѣдко для договоровъ съ половцами; по Сулѣ великій Владиміръ построилъ многіе города и населилъ ихъ славянами, кривичами, чудью, вятичами, дабы печенегамъ, приходящимъ часто въ предѣлы кіевскіе, положить преграду. Суугли есть та самая рѣка, которую Святославъ Ольговичъ и Владиміръ Игоревичь перешедъ, одержали въ первый разъ надъ половцами верхи». Въ переводѣ, при изданіи Слова 1800 г., нѣтъ рѣкъ Ворсклы, Хороля, Суугли; о послѣдней упоминается тамъ въ предисловіи, стр. IV, при чемъ ссылка на Ист. Татищева, кн. III, стр. 262.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаю[т] [повѣдаютъ]; черныя туча съ моря идуть, хотять [чръныя туча съморя идутъ, хотятъ] прикрыти 4 [д҃] солнца: а въ нихъ трепещуть синіи молніи [млъніи], быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великого [великаго]: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати [потручяти] о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великого [великаго]. О Руская земле [ѣ]! уже не ш[Ш]еломянемъ еси. Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стре[ѣ]лами на храбрыя полки [плъкы] Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ [текуть]; пороси поля прикрываютъ [прикрываютъ]; стязи глаголютъ; Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя полки [плъкы] отступиша. Дѣти Б[б]ѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чръвлеными [чрълеными] щиты. Яръ туре Всеволоде [Всеволодѣ]! стоиши на борони, прыщеши на вои стре[ѣ]лами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо туръ поскочаше [поскочяше], своимъ златымъ шеломо[м] [шеломомъ] посвѣчивая, тамо лежать [лежатъ] поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе яръ [Яръ] Туре Всеволоде. Кая раны дорога братіе, забывь [забывъ] чти и живота, и града Чернигова [Чрънигова], отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая? Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были Полцы [плъци] Олговы, Олга [Ольга] Святъславлича [Святьславличя]. Той [Тъй] бо Олегъ мечемь [мечемъ] крамолу коваше, и стре[ѣ]лы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тмутороканѣ [Тьмутороканѣ]. То же [Тоже] звонъ слыша давный великый Ярославь сынъ Всеволожъ[ь]: а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя. Съ тояже Каялы Святополкъ [Святоплъкь] повелѣя отца своего между Угорьскими иноходцы [иноходьцы] ко Святѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ к[К]няжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ [человѣкомь] скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко рата-

евѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а Г[г]алици свою рѣчь говоряхуть, хотять полѣ[е]тѣти на уедіе. То было въ ты рати, и въ[съ] ты полкы [плъкы]; а сице и рати не слышано, съзараніа [съ зараніа] до вечера, съ вечера до свѣта летять [летятъ] стре[ѣ]лы каленыя; гримлють [гримлютъ] сабли о шеломы: трещать [трещатъ] копіа харалужныя: въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи, [.] черна [Чръна] земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна. Тугою взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить давеча [давечя] рано предъ зорями? Игорь полкы [плъкы] заворочаеть [заворочаетъ]; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишась [бишася] другый: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось. Уже бо братіе не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла, въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крилы [крылы] на синемь морѣ [синѣмъ море] у Дону плещучи, убуди жирня времена, усобица Княземь [Княземъ] на поганыя погыбе. Рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начаша [начяша] Князи про малое, се великое, молвити [млъвити], а сами на себе [себѣ] крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече зайде соколъ, птиць бья къ морю: а Игорева храброго полку не кресити [храбраго плъку не крѣсити]. За нимь [нимъ] кликну Карнаижля [Карна и Жля] по скочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи [смагу мычючи *)] въ пламянѣ розѣ. Жены рускыя [Рускія] въсплакашась аркучи: уже намь [намъ] своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни о очима [ни очима] съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо братіе Кіевъ тугою, а Черниговь [ъ] напастьми: тоска разліяся по Руской земли;. печаль жирна

---

*) Въ изданіи 1800 г. слово *людемъ* пропущено, но въ приложенномъ тамъ переводѣ именно сказано «стали томить *людей* огнемъ и мечемъ».

утече средѣ земли Рускыи [тече средь земли Рускый]; а Князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тіи бо два храбрая Святъславличя [Святъславлича], Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отець [отецъ] ихъ Святъславь гроздный выликый Кіевьскый [грозный Великый Кіевскый]. Грозою бяшеть; притрепеталъ своими силными полкы [сильными плъкы] и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; в'змути рѣкы [взмути рѣки] и озеры; иссуши потокы [потоки] и болота, а поганого [поганаго] Кобяка изъ луку моря отъ желѣзны[х] великыхъ полковъ половецкыхъ [желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ], яко вихръ выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ [каютъ] Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкыя [Половецкія], Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣде [высѣдѣ] изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево; уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче. А Святъславъ [Святъславь] мутенъ со[н] виде [сонъ видѣ]: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, черною [чръною] паполомою, на кровати [кроваты] тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудо[м] [трудомь] смѣшено; сыпахутьми тъщими тулы поганыхъ тлъковинъ [тльковинъ] великый женчюгь на лоно, и нѣгують [нѣгуютъ] мя; ужедъ скы [уже дьскы] безъ кнѣса въ моемъ [вмоемъ] теремѣ златовръсе [ѣ]мъ. Всю нощь съ вечера бо-суви [босуви], врани възграяху. У Плѣньска [Плѣсньска] на болони, бѣша дебрь к[К]исаню, и не сошлю къ синему морю. И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умь полонила; се бо два сокола сле[ѣ]тѣста съ отня стола злата, поискати града Тмутороканя [Тьмутороканя], а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крилца [крильца] припѣшали поганыхъ саблями, а самого опуташа [самаю опустоша] въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3-й [г҃] день: два солнца поме[ѣ]ркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и сь[съ] нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тмою [тъмою] ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской

земли простротася Половци, акы [аки] пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса дивъ [дивь] на землю. Се бо Готьскыя [Готскія] красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ златомъ: поють [поютъ] время Бусово, лелѣютъ местьШароканю. А мы уже дружина жадни веселіа [веселія.] Тогда великый [Великій] Святъславъ [Святславъ] изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: О моя сыновча [сыновчя] Игорю, и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую прольясте [пр̦оліясте]. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣ[е]мъ Х[х]аралузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и много вои [многовои] брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шелъбиры [Шельбиры], и съ Топчакы, исъ Ревугы, и съ Олбѣры [Ольберы]. Тіи бо бесъ щитовъ [бес щитовь] съ засапожникы кликомъ полкы побѣждають [плъкы побѣждаютъ], звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте мужа [му жа] имѣся сами, преднюю славу сами похытимь [похитимъ], а заднюю ся сами подѣлимь [подѣлимъ]. А чи диво ся братіе стару помолодити? Коли соколъ въ мытѣхъ бываеть [въ мытехъ бываетъ], высоко птиць възбиваеть [высоко птицъ възбиваетъ]; не дасть [не дастъ] гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло Княже ми не пособіе; наниче [на ниче] ся годины обратиша. Се ури[м] [Уримъ] кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимі[и]ръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову. Великый Княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага [Чага] по ногатѣ, а Кощей по резанѣ. Ты бо можеши по суху [посуху живыми] шереширы стре[ѣ]ляти. Удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають аки [рыкаютъ акы] тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступи та г҃на [Господина] въ злата стремень за обиду сего времени, зане землю [за землю] Рускую,

[Русскую], за раны Игоревы, буего Святъславлича [Святславлича]! Галичкы Осмомысле [Осмомыслѣ] Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованне[ѣ]мъ столѣ. Подперъ горы Угорьскыи [Угорскыи] своими желѣзными полки [плъки], заступивъ Королеви путь, затворивъ [затвори въ] Дунаю ворота, меча времены чрезъ облакы [облаки], суды рядя до Дуная: Грозы твоя по землямъ текуть [текутъ]; оттворяеши Кіеву врата; стре[ѣ]ляеши съ отня злата стола Салътани [Салтани] за землями. Стре[ѣ]ляй Господине Кончака, поганого Кощея за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святъславича [Святславлича]. А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носить васъ умь [носитъ васъ умъ] на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣ[е]хъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзніи [желѣзныи] папорзи подъ шеломы латиньскыми [латинскими.] Тѣми тресну земля, и многы [многи] страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела; и Половци сулици своя повръгоша [повръгоща], а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже Княже Игорю, утрънѣ [утрпѣ] солнцю свѣтъ, а древо небологомь [не бологомъ] листвіе срони: по Роси [по Рсіи], по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго полку некресити [плъку не крѣсити]. Донъ ти Княже кличеть и зоветъ [кличетъ, и зоветь] Князи на побѣду. Олговичи храбрыи Князи доспѣли на брань. Ингварь [Инъгварь] и Всеволодъ, и вси три Мстиславличи [Мстиславличи], нехудà [не худа] гнѣзда шестокрильци [шестокрилци], не побѣдными [непобѣдными] жребіи собѣ власти расхытисте, кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкыи [Ляцкіи] и щиты. Загородите полю ворота своими острыми стре[ѣ]лами за землю Рус[с]кую, за раны Игоревы буего Святъславлича. Ужебо [уже бо] Сула не течеть [течетъ] сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомь [болотомъ] течетъ онымъ грознымъ Полочянамъ [Полочаномъ] подъ кликомъ поганыхъ: Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовьскыя [Литовскія]; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: Д[д]ружину твою Княже птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь

полизаша. Небы ту [Не бысь ту] брата Брячаслава, [Брячяслава], ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчужну [жемчюжну] душу изъ храбра тѣла, чрезъ [чресъ] злато ожереліе. Уныли [Унылы] голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославе, и вси внуце Всеславли! уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣднейславѣ: Вы бо своими крамолами начасте [начясте] наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи на седмомъ вѣцѣ Зояни [На седьмомъ вѣцѣ Трояни]. Връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъ [Тъй] клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевьскаго [Кіевскаго]. Скочи отныхъ [отъ нихъ] лютымъ зверемъ въ полночи [звѣремъ въ плъночи], изъ б[Б]ѣла-града, обѣси ся [обѣсися] синѣ мьглѣ, утръже вознистри кусы [утръ же воззни стрикусы] оттвори врата Новуграду. Разшибѣ [разшибе] славу Ярославу, скочи волкомъ [влъкомъ] до Немиги съ дудутокъ [Дудутокъ]. На Немизѣ снопы стелють [стелютъ] головами, молотятъ чепи халужными [харалужными], на тоцѣ животь кладуть [животъ кладутъ], вѣютъ душу отъ тѣла; Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновь [сыновъ]. Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады радяше [рядяше], а самъ въ ночь волкомь [влъкомъ] рыскаше; исъ [изъ] Кыева дорискаше до Куръ, Тмутороканя; великому Х[х]ръсови волкомь [влъкомъ] путь прерыскаше. Тому въ Полотьскѣ [Полотскѣ] позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа в'[въ] друзѣ тѣлѣ нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и первое [прѣвое] припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа неминути [не минути]. О! стонати Руской земли, помянувше первую [прѣвую] годину, и первыхъ [прѣвыхъ] Князей. Того стараго Владиміра нелзѣ [не льзѣ] бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевьскымъ [Кіевскимъ]: С[с]его бо нынѣ сташа стязи Рюриковы а друзіи Давидови [Давидовы]. Н[н]ъ рози нося имъ хоботы пашуть [пашутъ], копіа поютъ на Дунаи. Ярославнымъ гласъ слышить [Ярославнынъ гласъ слышитъ]: зегзицею незнаемь, рано кычеть: полечю, рече,

зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ, вѣтрило! чему г҃не [Господине] насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть [бяшетъ] горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылію развѣя? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ аркучи: о дне пресловутицю [о Днепре словутицю]! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до полку [плъку] Кобякова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на морѣ [на море] рано. Ярославна на морѣ плачеть [Ярославна рано плачетъ] *) къ Путивлѣ на забралѣ аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое Солнце [слънце]! всѣмъ тепло и красно еси: чему г҃не [господине] простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче. Прысну море полунощи; идуть [идутъ] сморци мьглами; Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спить [спитъ], Игорь бдить [бдитъ], Игорь мыслію поля мѣрить отъ великого [мѣритъ отъ великаго] Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти. Князю Игорю небыть [не быть]: кликну стукну земля; въ шумѣ трава. Вежи ся Половецкіи подвизашася; а Игорь Князь поскачи [поскочи] горнастаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвержеся на борзъ [въвръжеся на бръзъ] комонь, и скочи съ него босы^м волкомъ [босымъ влъкомъ], и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мглами [мьглами] избивая гуси и лебеди, завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколо^м [соколомъ] полетѣ, тогда Влуръ волкомъ [влъкомъ] потече, труся собою студеную росу; претръгоста бо своя борзая [бръзая] комоня. Донець [Донецъ] рече: Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа.

*) Въ рукописномъ переводѣ, приложенномъ при екатерининскомъ спискѣ, также читается: «Ярославна *на морѣ* плачетъ къ Путивлю». Почему сначала въ спискѣ прочтено *на морѣ*, а потомъ *рано*—рѣшить трудно.

Игорь рече, о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на волнахъ [влънахъ], стлавшу ему зеле[ѣ]ну траву на свои[х] [своихъ] сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мглами, [мъглами] подъ сѣнію зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, ч[Ч]рьнядьми на вѣ[е]трѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля [Ростиславя] по уноши Князи Ростиславѣ Уныша цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли пре[ѣ]клонило, а не сорокы втроскоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздить [ѣздитъ] Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, Г[г]алици помолкоша [помлъкоша], сорокы не троскоташа, по лозію ползоша толко [только], дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть [кажутъ], соловіи веселыми пѣсньми [пѣсьми] свѣтъ повѣдаютъ. Молвить [Млъвитъ] Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду лети[т] [летитъ], соколича ростреля-евѣ [ростреляевѣ] своими злачеными стре[ѣ]лами. Речь [рече] Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летить [летитъ], а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею [дивицею]. И рекъ [рече] Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ на ю [наю] птици бити въ полѣ Половецкомъ Рекъ Боянъ, и ходы на Святъславля пѣснотворца [пѣстворца] стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти. Тяжко ти головы кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ г[Г]оловы Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтится на небесе [небесѣ], Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи. Вьются голоси чресъ [чрезъ] море до Кіева, Игорь ѣдетъ по Боричеву къ с[С]вятѣй Богородици, п[П]ирогощей[.] страны ради. Гради весели, пѣвше пѣснь старымъ Княземь [Княземъ], а по томъ молоды[м] [молодымъ]. Пѣти слава Игорю Святъславличь [Святъславлича]. Буй туру Всеволоде Владиміру Игоревичь [Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу] здрави Князи и дружина, побарая за христьаны, [христьяны], на поганыя полки [плъки] Княземъ слава, а дружинѣ аминь.

---

*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Содержаніе Слова о полку Игоревѣ.

Въ семъ словѣ, на подобіе героической поэмы, описывается князей Игоря и Всеволода Святославичевъ, дѣтей князя новгородско-сѣверскаго Святослава Ольговича, сына Ольга Святославича тмутораканскаго, походъ на половцевъ и бывшее съ ними въ 1185 году кровопролитное сраженіе при рѣкѣ Калкѣ близь Дону. Князь Игорь, завидуя славѣ князя Святослава Всеволодовича, который за два года предъ тѣмъ одержалъ славную надъ половцами побѣду, вздумалъ также испытать своего счастія надъ ними. И хотя имѣлъ при себѣ войско не многолюдное, но надѣясь, что половцы, претерпѣвъ предъ недавнымъ временемъ великое пораженіе, не будутъ въ силахъ ему противиться, вступилъ въ походъ не объявя о томъ ни князю великому, ни прочимъ князьямъ. При первомъ сраженіи одержали верхъ россіяне, и разбивъ половцевъ, захватили весь ихъ обозъ со многимъ богатствомъ. Но вскорѣ послѣ того половцы, собравшись въ превосходнѣйшихъ силахъ, вступили вновь въ сраженіе, которое продолжалось два дня съ половиною. На ономъ побѣждены россіяне совершенно. Князья Игорь и Всеволодъ Святославичи, племянникъ ихъ князь Святославъ Ольговичь Рыльскій, сынъ Игоревъ Владиміръ князь путимльскій и пять тысячъ войска взяты въ плѣнъ и полученная прежде добыча отнята. Войсками половецкими предводительствовали князья ихъ Кончакъ и Гзакъ.

Сочинитель, сравнивая сіе несчастное сраженіе съ прежними, надъ половцами одержанными побѣдами, воспоминаетъ по поводу сего славныя дѣла нѣкоторыхъ россійскихъ князей, какъ то: 1) Великаго Владиміра, который, не будучи доволенъ престоломъ кіевскимъ, простеръ далеко свои завоеванія. 2) Изяслава Васильковича, который одинъ безъ

братьевъ своихъ Брячислава и Всеволода одержалъ славную надъ литовцами побѣду. 3) Князя Всеслава, который въ весьма короткое время сдѣлалъ многія завоеванія. 4) Князя Ярослава, который полками угорскими простеръ свои завоеванія до Дуная. 5) Князя Святослава Ольговича, который несравненно удачнѣе воевалъ съ тѣми же половцами, ибо онъ столько ихъ утѣснилъ, что они и помыслить не смѣли нападать на Россію.

Таковое россіянъ пораженіе привело землю россійскую въ великій страхъ и половцы, пользуясь побѣдою, разсѣялись всюду, начали дѣлать разоренія. Великій князь скорбитъ крайне о несчастіи своихъ родственниковъ. Онъ въ горести призываетъ на помощь брата своего черниговскаго князя Ярослава, князей Рюрика и Давида, Романа и Мстислава, храбрыхъ Ольговичевъ и Мстиславичей. Жены русскія оплакиваютъ смерть мужей своихъ. Княгиня Ярославна, супруга младаго Владиміра князя путимльскаго, въ печали своей приходитъ до отчаянія. Она, сидя на градской стѣнѣ, возноситъ жалостный гласъ свой то къ солнцу, то къ вѣтру, то къ рѣкѣ Днѣпру. Вся вина толикаго отъ половцевъ разоренія относится на междоусобіе князей россійскихъ, которые, не будучи удѣлами своими довольны, другъ на друга воевали и призывая часто себѣ въ помощь половцевъ, подали чрезъ то имъ способъ набѣгать на землю русскую.

Заключается сія пѣснь возвращеніемъ Игоря въ свое отечество. Онъ изъ плѣну счастливо успѣлъ уйти къ общей подданныхъ и всего государства радости. Тщетно Гзакъ и Кончакъ старались его догнать.

II.

Переводъ Слова о полку Игоревѣ.

Коль прилично намъ, братцы, представить древнимъ слогомъ жалостную повѣсть о сраженіи Игоря Святославича [1])? Мы составимъ оную изъ самыхъ дѣяній тогдашняго времени, не употребляя вымысловъ Бояновыхъ [2]). Ибо Боянъ стихотворецъ когда хотѣлъ воспѣть кому похвалу,

---

[1]) Игорь Святославичь былъ сынъ князя Святослава Ольговича новгородско-сѣверскаго, внукъ Ольга Святаславича тмутараканскаго, вступившій на княженіе новгородско-сѣверское послѣ Ольга Святославича внука Ольгова въ 1180 году. Онъ былъ отлично храбрый князь, ревностный отечества защитникъ и имѣлъ съ половцами непримиримую вражду. Сраженіе сіе по лѣтописямъ послѣдовало въ 1185 г.

[2]) Боянъ древній стихотворецъ русской: въ которыя лѣта жилъ? по лѣтописямъ не видно. Но изъ послѣдствія сей повѣсти видно, что онъ воспѣвалъ подвиги князя Всеслава. Сіе имя Боянъ происходитъ, какъ думать надобно отъ древняго глагола баю, говорю: по сему Боянъ не что другое какъ разскащикъ, словесникъ, витія. Онъ же называется и вѣщій, по латинѣ Vates, имя

то мысль его летала тогда по древамъ, онъ бѣгалъ; какъ сѣрый волкъ по земли, и поднимался, яко орелъ подъ облаки. Мы помнимъ, что въ древности когда хотѣли какое сраженіе описать, то изображали оное пусканіемъ десяти соколовъ на стадо лебедей: и такъ который изъ нихъ скорѣе долеталъ, тотъ прежде и запѣвалъ въ честь, или стараго Ярослава [3]), или храбраго Мстислава [4]), который убилъ Редедю предъ полками Косожскими, или въ честь краснаго Романа Святославича [5]). Боянъ же

свойственное всѣмъ древнимъ стихотворцамъ, которые какъ бы въ восторгѣ нѣкоемъ или во изступленіи стихи свои писали. Называется также и внукомъ Велесовымъ можетъ быть по древнему обычаю: ибо стихотворцевъ почитали вдохновенными отъ Бога и потому какъ бы дѣтьми божіими.

[3]) Старый Ярославъ не другой кто здѣсь разумѣется, какъ Ярославъ I, сынъ князя великаго Владиміра I Святославича, рожденный отъ княжны полоцкой Рогнѣды. Сей князь сдѣлалъ многія славныя дѣла. Имѣлъ войну съ братомъ своимъ Мстиславомъ I, княземъ тмутараканскимъ и черниговскимъ; послѣ чего въ 1026 году земля русская раздѣлена по Днѣпръ. Ярославу досталась западная, а Мстиславу восточная страна. Онъ въ 1029 г. побѣдивъ Ясовъ поселилъ ихъ въ Россіи; въ 1030 г. ходилъ на поляковъ, отобралъ отъ нихъ многіе, завоеванные Болеславомъ червенскіе города, и побивъ войско польское, взялъ многихъ въ плѣнъ и разселилъ по рѣкѣ Росѣ и около Чернигова; воевалъ двоекратно Литву и возложилъ на оную дань; въ 1041 году разорилъ землю Мазовецкую по Бугу и возвратился со многимъ плѣномъ. Онъ прилежалъ о распространеніи христіанской вѣры и о заведеніи повсюду училищъ.

[4]) Мстиславъ былъ сынъ великаго князя Владиміра I Святославича, княжившій въ Тмутороканѣ. Онъ въ 1022 г. ходилъ войною на Косоговъ, обитавшихъ около Дона. Услышавъ о семъ князь косожскій Редедя выступилъ съ великими противу его силами и, не начиная сраженія, послалъ ко Мстиславу сказать «для чего намъ войско губить, яко невинныхъ, хочешь ли скорѣе войну пресѣчь и вѣчно покой имѣть, борися со мною на единѣ, и если ты меня поборешь, то возми имѣніе мое, жену и дѣтей и землю мою; если же я осилѣю, то да возму твое все». Мстиславъ, яко не былъ легкомысленъ, взялъ себѣ на разсужденіе до утра и хотѣлъ къ нему отповѣдь прислать, и хотя вѣдалъ Редедю сильна, но самъ вельми надѣялся на умѣніе и силу, зане его измлада побороть никто не могъ. Поутру рано послалъ къ Редедѣ, чтобъ вышелъ въ назначенное мѣсто и самъ пошелъ, яко положено, безъ оружія; и сошедшися снялися бороться крѣпко, но долго борющимся имъ, нача Мстиславъ изнемогать, бѣ бо Редедя великъ и силенъ вельми, и рече Мстиславъ: «о пресвятая Богородица! помози ми, аще одолѣю сего, созижду церковь во имя твое.» И се умысля, удари его о землю и вынявъ ножъ, зарѣзалъ Редедю. По семъ Мстиславъ, вшедъ въ землю его, взялъ все имѣніе его, жену и дѣтей его, и дань возложилъ на Косоги.

[5]) Романъ былъ сынъ князя Святослава Ярославича, братъ Ольга Святославича тмутараканскаго, котораго Казары отдали въ Царьградъ въ заточеніе, а внукъ Ярослава I Владиміровича, первый князь въ Курскѣ удѣлѣ чер-

братцы не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ, но своими стихотворческими перстами по живымъ струнамъ ударялъ, а они уже сами славу князей возвѣщали. Начнемъ же нашу пѣснь отъ стараго Владиміра [6]) до нынѣшняго Игоря, который возвышаемъ твердостію ума, разжигаемъ мужествомъ сердца, и исполненъ духа ратнаго, вступилъ съ храбрымъ своимъ воинствомъ на землю Половецкую за землю Русскую. Въ то время воззрѣвъ Игорь съ своимъ воинствомъ на свѣтлое солнце, увидѣлъ его въ затмѣніи. Тогда сказалъ онъ дружинѣ своей: братіе и дружино! лучше быть убитымъ, нежели быть плѣннымъ. Сядемъ, братцы, на борзыхъ своихъ коней и поѣдемъ на синій Донъ. Ему пришло на мысль желаніе, несмотря на затмѣніе солнечное, извѣдать счастія на Дону. Я хочу, сказалъ онъ, преломить копье съ вами, россіане, конецъ поля половецкаго: я хочу или голову мою положить, или испить шеломомъ воды изъ Дону. О, Бояне, соловей древнихъ лѣтъ! Когда бъ ты могъ воспѣть подвиги воевъ сихъ, скача соловьемъ мысленно по древу, летая умомъ подъ облаки, сравняя славу древнюю съ симъ временемъ, стремясь въ путь Трояновъ чрезъ поля на горы, славя Игоря, внука Ольгова. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкія, галки стадомъ летятъ къ Дону великому: вотъ бы пѣть тебѣ, Бояне, внуче Велесовъ! Ржутъ кони за Сулою; гремитъ слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи (знамена) въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. Буй туръ [7]) Всеволодъ вѣщаетъ къ ему: ты одинъ мнѣ братъ о Игорю! ты одинъ мнѣ ясный свѣтъ; и мы оба Святославичи. Ты сѣдлай, брате, своихъ борзыхъ коней; а мои для тебя готовы еще прежде у Курска осѣд-

---

ниговскомъ по 1079 годъ. Онъ въ семъ 1079 пожелавъ у великаго князя Всеволода I Ярославича отнять Переяславль, пришелъ со множествомъ половцовъ къ Переяславлю. Всеволодъ, пришедъ съ войскомъ туда же, учинилъ съ половцами миръ. Романъ, видя, что князья половецкіе ему солгали, поссорился съ ними, въ которой ссорѣ половцы его убили.

[6]) Старый или первый Владиміръ есть великій князь Владиміръ Святославичь. Онъ въ 981 году ходилъ войною на Польшу и взялъ города ихъ Перемышль, Червень и другіе. Въ 982 побѣдилъ вятичей, возложивъ на нихъ дань; въ 983 побѣдилъ ятвягъ; въ 984 ходилъ войною на радимичей, происходящихъ отъ роду поляковъ; во 985 г. воевалъ земли болгарскую и сербскую; въ 988 взялъ приступомъ городъ греческой Корсунь; въ 993 ходилъ на семиградскую и хорватскую земли, и одержавъ тамъ многія побѣды, возвратился со множествомъ плѣна и богатства; и въ томъ же году воевалъ съ печенѣгами. Онъ просвятилъ Россію святымъ крещеніемъ и истребилъ идоловъ.

[7]) Буй означаетъ дикаго, а туръ вола. И такъ буйтуромъ или буйволомъ называетъ здѣсь Всеволода въ смыслѣ метафорическомъ въ разсужденіи, какъ думать надобно, его отважности, дерзости и силы.

ланы: а мои куряне въ цѣль стрѣлять довольно свѣдомы; подъ звукомъ трубъ они повиты; подъ шлемами взлелѣяны; по конецъ копья вскормлены; всѣ пути имъ извѣстны; всѣ яруги (опасныя мѣста) знаемы; у ихъ луки напряжены; тулы (колчаны) отворены; сабли изострены: они скачутъ въ полѣ, какъ волки сѣрые, себѣ чести ищучи, а князю славы. Тогда вступивъ Игорь въ златъ стремень, поскакалъ по полю чистому. Затмѣніе солнечное въ пути его остановляетъ [8]). Возставшая ночью гроза разбудила птицъ; поднялся свистъ звѣрей въ ихъ логовищахъ; кричитъ дивъ (филинъ) вверху древа; раздается его гласъ въ землѣ незнаемой, по *Ворсклѣ, по Хоролю*, по Сулѣ, *по Суугли* [9]), въ Корсунѣ и у тебя болванъ тмутороканскій. А половцы путями неготовыми бѣгутъ къ Дону великому. Скрыпятъ телѣги въ полунощи; говоруны лебеди распущены. Игорь вои ведетъ къ Дону, который несчастіе ему готовитъ. Волки, на подобіе птицъ своимъ воемъ [10]) по яругамъ предвѣщаютъ неудачу: орлы клектомъ созываютъ звѣрей на трупы мертвые: лисицы лаютъ на щиты червленые. О, русская земля! уже ты далеко за Шеломенью [11]). Мракъ

---

[8]) Игорь Святославичь, выступая въ походъ изъ Новагорода-Сѣверскаго апрѣля 13 дня, продолжалъ путь къ Донцу весьма тихо, ожидая прочихъ войскъ. Ввечеру 1 числа мая увидѣли затмѣніе солнечное. Тогда сказалъ Игорь вельможамъ своимъ: видете ли сіе? Они, пришедъ въ страхъ, опустили головы и сказали ему: сіе знаменіе не на добро есть. На что имъ Игорь отвѣчалъ: тайны Божія неисповѣдимы, и никто знать опредѣленія его не можетъ. Онъ бо Творецъ есть міра и знаменія сего, я ко же и насъ всѣхъ: что хочетъ и творитъ, добро или зло. Мы опредѣленія его перемѣнить не можемъ. Не вѣсте ли, яко безъ знаменія, кого хочетъ наказуетъ? И знаменія такія многократно никакого зла не приносятъ. И кто вѣдаетъ для насъ или для другихъ кого сіе? понеже оно видимо есть во всѣхъ земляхъ и народахъ. Тако сказавъ перешелъ Донецъ, пошелъ къ рѣкѣ Осколу и тутъ ожидалъ брата Всеволода два дни, который шелъ изъ Курска другимъ путемъ, и совокупясь пришли къ рѣкѣ Сальницѣ. Тат. истор. кн. III, стр. «   ».

[9]) Ворскла, Хороль, Сула, Суугли суть рѣки пограничныя къ половцамъ, которые близь ихъ кочевали. На берегахъ Ворсклы бывали многія сраженія у русскихъ съ половцами. На Хороли съѣзжались россіяне не рѣдко для договоровъ съ половцами. По Сулѣ великій Владиміръ построилъ многіе города и населилъ ихъ славянами, кривичами, чудью и вятичами, дабы печенѣгамъ, приходящимъ часто въ предѣлы кіевскіе, положить преграду. Суугли есть та самая рѣка, которую Святославъ Ольговичь и Владиміръ Игоревичь перешедъ, одержали въ первый разъ надъ половцами верхъ.

[10]) Древніе по летанію птицъ дѣлали свои заключенія о счастіи или несчастіи. Если въ которую сторону летятъ стадами птицы во множествѣ, во той странѣ заключали быть какой нибудь гибели народу или скоту. Волчій вой означалъ неудачную войну.

[11]) Шеломая была пограничная волость русская къ половцамъ.

ночный продолжается; свѣтъ зари не видѣнъ; мгла поля покрыла; престалъ щекотъ соловьевъ; замолкъ говоръ галокъ. Россіане по широкимъ полямъ разставили червленые щиты, ища себѣ чести, а князю славы. Поутру въ пятокъ потоптали они поганые полки половецкіе и разсыпавшись съ стрѣлами по полю, захватили красныхъ дѣвокъ половецкихъ, а съ ними злато и поволоки и драгія оксамиты. Ортмами, япончицами (плащами) и кожухами (шубами) начали мостить мосты по болотамъ и другимъ грязнымъ мѣстамъ. Всѣ узорочья (уборы) половецкіе, червлено знамя, бѣлая хоругвь, червленая чолка, сребреное стружіе достались храброму Святославичу. Дремлютъ въ полѣ. Ольгово храброе гнѣздо далеко залетѣло. Оно не рождено терпѣть обидъ ни отъ сокола, ни отъ кречета, ни отъ тебя черный воронъ, поганый половчанинъ. Гзакъ бѣжитъ, какъ сѣрый волкъ, Кончакъ за нимъ во слѣдъ спѣшитъ [12]) къ Дону великому. На другой день весьма рано заря багряная свѣтъ открыла; идутъ съ моря тучи черныя; хотятъ прикрыть четыре солнца: сверкая синіи молніи, предвѣщаютъ быть грому страшному, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго. Тутъ будетъ около чего копьямъ преломитися, тутъ будетъ саблямъ притупитися о шлемы половецкіе на рѣкѣ на Каялѣ [13]) у Дону великаго. О земля русская! уже предѣлы твои открыты. Се вѣтри, внуки Стрибога [14]) вѣютъ съ моря, яко стрѣлы на храбрые полки Игоревы! Земля стонетъ; вода въ рѣкахъ смутилась; прахомъ поля покрыты; заговорили знамена; половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Войско россійское отступило. Дѣти бѣсовы оградили станъ свой крикомъ, а храбрые россіане щитами червлеными. Храбрый туръ Всеволодъ, стоя въ рукѣ правой [15]), мещетъ на противныхъ стрѣлы яко градъ, гремитъ мечемъ булатнымъ о шлемы ихъ. Гдѣ ни появится туръ шлемомъ своимъ златымъ блистаяся, тамо лежатъ поганыя головы половецкія. Раз-

---

[12]) Гзакъ и Кончакъ были половецкіе князи, которые предводительствовали въ сіе сраженіе половецкими войсками.

[13]) Рѣки Каялы ни по лѣтописямъ, ни по ландкартамъ не видно, а упоминается въ лѣтописяхъ рѣка Калка, гдѣ россіяне имѣли съ татарами самое несчастное сраженіе.

[14]) Стрибогъ былъ кумиръ въ Кіевѣ, поставленный Владиміромъ со многими другими идолами. Ему приписывали власть надъ вѣтрами.

[15]) Полки русскіе устроены были такимъ образомъ: Игоревъ полкъ въ срединѣ, на правой сторонѣ братъ его Всеволодъ, на лѣвой племянникъ ихъ Святославъ Ольговичь, на переди сынъ Игоревъ Владиміръ съ двумя полками, а присланный отъ князя Ярослава черниговскаго полкъ назади. Когда Игорь множествомъ половцевъ былъ захваченъ, то Всеволодъ, стараясь помощь ему подать, бился столь долго, какъ уже ни одной стрѣлы у него не осталось, и копіе переломилось.

рублены булатными саблями шлемы поганыхъ отъ тебе, храбрый Всеволоде. Къ чему было, братцы, такъ безвременно ополчитися и забывать честь и жизнь, отеческій златый престолъ, и нѣжныя ласки своей любезной супруги, прекрасной Глѣбовны. Прошло то время, какъ бывали вечи (съѣзды) Трояновы; протекли лѣта Ярославли [16]); миновали сраженія Ольга Святославича [17]). Той бо Олегъ мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы

[16]) При самомъ вступленіи сего князя изъ княженія луцкаго на княженіе кіевское требовалъ отъ него князь черниговскій Святославъ Всеволодовичь нѣкоторыхъ городовъ: въ чемъ, когда Ярославъ ему отказалъ, то Святославъ, пришедъ къ Кіеву съ войсками, захватилъ его жену, сына, бояръ и все имѣніе, а Ярославъ, между тѣмъ убѣжавъ въ Луцкъ, собралъ тамъ войско и пошелъ на Святослава, который, будучи занятъ тогда войною съ Ольгомъ Святославичемъ сѣверскимъ, не въ состояніи былъ ему противиться, и для того сдѣлалъ съ нимъ миръ и все захваченное возвратилъ. Но князь Ярославъ не долго послѣ того въ Кіевѣ княжилъ, ибо князь смоленскій Ростиславъ Ростиславовичь увѣдалъ, что онъ кіевлянами не навидимъ, пришелъ съ войсками къ Кіеву и принудилъ его престолъ оставить, а итти въ Луцкъ, что онъ безъ сопротивленія и исполнилъ. И хотя Романъ, усовѣстясь послѣ въ толь наглой обидѣ, и призывалъ его по прежнему въ Кіевъ, но онъ не пошелъ, сказавъ, что желаетъ владѣть лучше малымъ, но въ покоѣ, нежели великимъ, но въ безпокойствѣ.

[17]) Олегъ Святославичь, правнукъ Владиміра I Святославича былъ нрава безпокойнаго и склонный къ возмущеніямъ. Отецъ его Святославъ Ярославовичь князь черниговскій получа въ 1054 году отъ отца Ярослава Владиміровича во владѣніе область Черниговскую съ Тмутараканью и не будучи оною доволенъ согналъ въ 1073 съ простола кіевскаго старшаго брата своего Изъяслава, а на свое мѣсто въ Черниговѣ посадилъ брата своего Всеволода князя переяславскаго. Когда же по смерти Святославовой, Изъяславъ паки принялъ престолъ кіевскій и Всеволодъ оставался въ Черниговѣ, то Олегъ Святославичь и братъ его Борисъ, не хотя быть довольны областями тмутараканскою и муромскою, вооружились на Всеволода, и призвавъ въ помощь половцевъ, Всеволода разбили и изгнавъ изъ Чернигова, учинили съ половцами въ земли русской великое разореніе. Когда же за таковую наглость князь Изъяславъ, чтобъ отмстить обиду брата своего Всеволода, пошелъ на Ольга войною, то онъ, собравъ паки половцевъ, со Изъяславомъ сразился, и хотя былъ побѣжденъ, но вскорѣ съ братомъ своимъ Романомъ, собравъ вновь половцевъ, приходилъ къ Переяславлю, чтобъ оный у князя Всеволода отнять; но не получивъ здѣсь удачи, въ 1094 г. нанялъ множество половцевъ, приходилъ войною къ Чернигову на князя Владиміра Всеволодова сына, который не будучи въ силахъ съ нимъ воевать, уступилъ ему Черниговъ. Половцы же, видя, что имъ въ разсужденіи учиненнаго между Олегомъ и Всеволодомъ замиренія разорять черниговской земли не позволено, начали сами дѣлать разореніе и Олегъ удержать ихъ отъ того не могъ. При чемъ много христіанъ побито и въ плѣнъ взято. Въ 1095 г. когда учиненъ былъ между князьями россійскими союзъ, чтобъ итти на половцевъ, которые толь много русскую землю разоряли; то Олегъ къ сему со-

по земли сѣялъ: ступаетъ въ златъ стремень во градѣ Тмутораками. Таковой же звукъ побѣды слышалъ старый великій Ярославъ, сынъ Всеволодовъ [18]). Но Владиміръ никогда не внималъ ему въ Черниговѣ [19]). Бо-

---

юзу не приступилъ, и находящагося при немъ сына князя половецкаго Итляра, по требованію, князьямъ россійскимъ не отдалъ. Въ 1096 г. звали его князья россійскіе въ Кіевъ на съѣздъ, что въ общемъ собраніи разсмотрѣть распри его о владѣніяхъ: но онъ съ гордостію отъ сего призыву отрекся. И такъ пошли на него войною. Онъ изъ Чернигова убѣжалъ въ Стародубъ: но тамъ будучи осажденъ, просилъ у князей прощенія, обѣщаясь во всемъ князю великому кіевскому быть послушенъ и пріѣхать на съѣздъ. Но вскорѣ клятву свою преступилъ, вмѣсто того, чтобъ на съѣздѣ о владѣніи разобраться, онъ пошелъ съ войскомъ къ Мурому на князя Изъяслава, сына Владимірова и онаго на сраженіи убивъ, захватилъ его вельможъ и имѣніе: оттуда ходилъ въ Суздаль и Ростовъ и оные города покоривъ, наложилъ на нихъ дань, а лучшихъ жителей перевелъ въ Тмуторокань. О чемъ извѣстясь князь новгородскій Мстиславъ, братъ муромскаго Изъяслава, сынъ Владиміровъ, увѣщевалъ его чужія владѣнія оставить и просить мира; но онъ, не послушавъ его, предпринялъ отнять даже и новгородскія области. Мстиславъ пошелъ на него съ войскомъ, преслѣдовалъ его до Ростова и Суздаля. Олегъ сжегъ Суздаль и ушелъ къ Мурому. Мстиславъ послалъ къ нему сказать, чтобъ переставъ производить мятежъ, просилъ неотмѣнно прощенія. Олегъ послалъ съ радостію о мирѣ договариваться, а между тѣмъ умышлялъ нечаянно на Мстислава напасть. Мстиславъ противъ него выступилъ съ войскомъ и, получивъ помощь отъ отца, съ нимъ сразился. На семъ сраженіи Олегъ, будучи побѣжденъ, ушелъ въ Рязань. Мстиславъ преслѣдовалъ его до Рязани, принудилъ покориться. Послѣ чего въ 1097 г. на съѣздѣ въ Кіевѣ сему князю Ольгу съ братьями положено дать предѣлы отца ихъ Черниговъ, съ Сѣверою, вятичи, Муромъ и Тмутораканъ.

[18]) Ярославъ Всеволодовичь, сынъ князя Всеволода Ольговича отъ 1174 по 1200 годъ на княженіи черниговскомъ. О семъ князѣ упоминается въ лѣтописи подъ лѣтомъ 1181, что она съ Игоремъ Святославичемъ и съ половцами ходили въ землю полоцкую на князей Брячислава и Святослава Васильковичевъ, но дальнихъ успѣховъ не получили, а только сожли острогъ около города Урутеска. Подъ лѣтомъ 1183, что онъ ходилъ съ войсками черниговскими на помощь князю Всеволоду Юрьевичу противъ болгаръ.

[19]) Соображая время владѣнія княза Ольга Святославича тмутораканскаго, который по безпокойному своему нраву причинилъ государству чрезъ половцевъ великія разоренія, не другой кто долженъ тогда въ Черниговѣ быть на княженіи какъ Владиміръ Всеволодовичь Мономахъ. О семъ князѣ лѣтописи россійскія повѣствуютъ: подъ лѣтомъ 1094, что Олегъ тмутораканскій съ половцами выгналъ его изъ Чернигова и онъ сѣлъ на княженіи въ Переяславль. Подъ лѣтомъ 1095, что князи половецкіе Итляръ и Китанъ приходили съ войскомъ къ Переяславлю требовать отъ Владиміра даровъ, дабы земли его не воевать. Владиміръ съ ними договорился отдать въ залогъ своего сына, пока не переговоритъ о томъ съ Святополкомъ. Но посредствомъ вельможи Святополкова Словаты, который нарочно ко Владиміру былъ присланъ, оные полов-

риса же Вячеславича [20]) слава привела на судъ. Онъ положенъ на зеленую конскую попону за обиду Ольга, младаго храбраго князя. Съ той же Каялы велъ Святополкъ [21]) войска отца своего между угорскою конницею ко святой Софіи къ Кіеву. Во время Ольга Гориславича сѣялись и возрастали междоусобія: была гибель внуку Дажбожеву; сокращались людямъ вѣки въ крамолахъ (въ ссорахъ) княжескихъ. Тогда по земли рус-

---

цы въ то время, какъ ожидали себѣ подарковъ, были на голову побиты. Подъ лѣтомъ 1096: что онъ со Святополкомъ побѣдили половцевъ близь Переяславля за рѣкою Трубежемъ, гдѣ князь половецкій Тугорканъ съ сыномъ и другіе многіе побиты. Подъ лѣтомъ 1103: что онъ же ходилъ съ Святополкомъ на половцевъ. Сраженіе происходило на Сутенѣ, гдѣ побито 20 князей половецкихъ, а Веледузъ князь, взятый въ плѣнъ, разсѣченъ на части; въ плѣнъ достался весь обозъ съ великимъ богатствомъ и людьми. Подъ лѣтомъ 1107: что онъ же съ Святополкомъ ходили еще на половцевъ и ихъ за рѣчкою Сулою побили. Подъ лѣтомъ 1111, что онъ же со Святополкомъ паки ходили на половцевъ и ихъ побѣдивъ сперва при рѣкѣ Донцѣ, взяли городъ ихъ Шарукань и разорили городъ Сугровъ; потомъ напали на нихъ же при рѣкѣ Сальницѣ, гдѣ побито половцевъ болѣе десяти тысячъ и нѣсколько тысячъ приведено въ плѣнъ, изъ коихъ многіе разосланы въ подарокъ царю греческому, королямъ: венгерскому, богемскому, чешскому и другимъ. Потомъ Владиміръ въ 1113 г. вступилъна престолъ кіевскій, и, будучи на семъ княженіи, воевалъ двоекратно съ половцами. Сему князю императоръ греческій Алексѣй прислалъ великое посольство со многими дарами, между которыми знатнѣйшіе были вѣнецъ царскій, хламида, поясъ драгоцѣнный, скипетръ, чаша сердоликовая съ драгоцѣнными камнями.

[20]) Бориса Вячеславича по родословнику не находится, а упоминается о Борисѣ Всеславичѣ, сынѣ князя Всеслава Брячиславича, который былъ на княженіи полоцкомъ отъ 1073 по 1128 годъ. И хотя онъ съ прочими удѣльными князьями полоцкими въ 1128 г. и былъ призванъ великимъ княземъ Мстиславомъ на судъ въ Кіевъ, но не за обиду Ольга младаго князя, а за то, что оные князья полоцкіе по призыву великаго князя на войну противъ половцевъ не только не пошли, но сдѣлали ему постыдный отказъ, Тат. Ист. кн. II стр. 240. Былъ еще Борисъ Святославичь, братъ князя Ольга тмутороканскаго, о которомъ подъ лѣтомъ 1078 пишется, что онъ съ братомъ Ольгомъ, не будучи доволенъ, тмутараканскою и муромскою областями, ходили къ Чернигову на князя Всеволода, коего побѣдивъ, изъ Чернигова выгналъ. Но когда Всеволодъ при помощи князя кіевскаго Изъяслава, приступилъ къ Чернигову, а Борисъ съ Ольгомъ шелъ для освобожденія города, то на бывшемъ сраженіи у села Нежатины Нивы отъ войскъ всеволодовыхъ убитъ.

[21]) Родословникъ изчисляетъ пять Святополковъ: 1-й сынъ князя великаго Изъяслава Ярославича; 2-й сынъ князя великаго Мстислава Владиміровича; 3-й сынъ князя великаго Ярополка Святославича; 4-й сынъ князя Юрія Ярославича; 5 сынъ князя Ольга Святославича отъ 1127 въ Тмутараканѣ и Рязанѣ. Но чтобъ который изъ нихъ велъ войска отца своего къ Кіеву, сего по лѣтописямъ не видно.

ской рѣдко былъ слышанъ разговоръ двухъ земледѣльцовъ: но часто граяли вороны, дѣля между собою трупія, и галки говорили своимъ голосомъ, отлетая на мѣсто, гдѣ имъ была покормка. Вотъ такъ то бывало во время прежнихъ браней! А такого сраженія еще не слыхано: съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ копья булатныя въ полѣ незнаемомъ; среди земли половецкія черна земля подъ копытами костми была посѣяна, а кровію полита. Разсыпалась печаль по земли русской. Что слышу за шумъ, что за звукъ толь рано предъ зарею? Игорь полки свои обращаетъ: ибо жаль ему мила брата Всеволода. Билися день, билися другой: на третій день предъ полуднемъ пали знамены Игоревы. Тутъ братья между собою разлучились на берегу быстрой Каялы. Тутъ не достало вина кроваваго: тутъ храбрые россіяне докончали пиръ: сватовъ попоили, а сами полегли за землю русскую. Поникла трава отъ жалости и древо отъ печали къ земли преклонилось. Уже, братцы, плачевныя времена настали. Уже пала въ пустынѣ сила и осталась побѣда въ силахъ Дажбожева [22]) внука; вступили дѣвы на землю Трояню; всплескали лебедиными крылами на синемъ морѣ у Дона плещучи; возвратились къ нимъ времена богатыя; престали князи воевать на поганыхъ. Прежде одинъ братъ говорилъ другому: это мое, а это мое же. И такъ, начавъ между собою о маломъ, какъ бы о великомъ ссориться, навели отъ всѣхъ странъ поганыхъ воевать и раззорять землю русскую. О! далеко залетѣлъ соколъ къ морю, птицъ бія: а Игорева храбраго воинства уже не воскресить. Въ слѣдъ за нимъ крикнулъ Карна, и Жля [23]) разсѣялся по русской землѣ, претя людямъ мечемъ и огнемъ. Жены русскія возрыдали, глаголюще: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію взмыслити, ни думою вздумати, ни очима узрѣти, а злата и сребра отнюдъ не возвратити. Возстоналъ, братіе, Кіевъ отъ горести, а Черниговъ отъ напастей: сильная тоска разлилась среди земли русской. Князи вели войну междуусобную; а поганые, дѣлая на землю русскую набѣги, брали дань по бѣлкѣ съ двора. Сіи два храбрые Святославичи Игорь и Всеволодъ подняли паки ссору, которую было укротилъ отецъ ихъ Святославъ грозный, великій, кіевскій. Онъ былъ грозою всѣмъ. Его сильнымъ полкамъ и булатнымъ мечамъ все покорилось. Онъ, наступивъ на землю половецкую, притопталъ холмы и буера-

---

[22]) Дажбогъ былъ кумиръ княземъ Владиміромъ, въ Кіевѣ съ прочими идолами поставленный. Но почему сочинитель половцевъ именуетъ внуками Дажбожевыми, точно сказать сего не можно.

[23]) Карна и Жля изъ числа князей половецкихъ, кои имѣли набѣги на Россію.

ки, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ источники и болоты; а поганаго Кобяка [24]) при заливѣ морскомъ отъ желѣзныхъ великихъ полковъ половецкихъ, яко вихрь, исторгнулъ. И падеся Кобякъ во градѣ Кіевѣ во дворцѣ Святослава. Тогда нѣмцы и венедици, тогда Морава и греки воспѣли славу Святославлю [25]); а кленутъ Игоря, потерявшаго силу во днѣ Каялы рѣки половецкія и погрузившаго тамъ злато русское. Тогда Игорь сѣлъ изъ сѣдла злата въ сѣдло Кащеево [26]). Уныли забрала во градахъ и веселіе престало. Святославъ [27]) смутенъ сонъ видѣлъ. Въ сію ночь, сказалъ онъ боярамъ, на кіевскихъ горахъ одѣвали вы меня съ вечера чернымъ одѣяломъ на тесовой кроватѣ; подносили мнѣ синее вино, съ трутомъ смѣшанное; сыпали на лоно мое изъ пустыхъ тулъ крупной жемчугъ изъ поганыхъ раковинъ и тѣмъ меня нѣжили. Уже дски безъ кнѣса (столы не убраны) въ моемъ теремѣ златоверхомъ. Всю ночь съ вечера до свѣта вороны граяли. Они, утоптавъ плоскость дерби Кисанской, не отлетѣли къ синему морю. Отвѣтствовали князю бояре: уже господине печаль умъ сразила. Се бо два сокола съ златаго отеческаго престола слетѣли поискать града Тмутораканя [28]), или испить шеломомъ Дону. Уже соколамъ обрублены крылья непріятельскими саблями, а сами заключены въ желѣзныя оковы. Тьма наступила въ третій день: два солнца померкли, два багряные столпа погасли, и съ ними молодые мѣсяцы Олегъ и Святославъ мракомъ покрылись. На рѣкѣ Каялѣ свѣтъ во тму премѣнился: по русской землѣ разсѣялись половцы, аки изъ гнѣзда Пардова [29]).

---

[24]) Кобякъ, князь половецкій, съ которымъ у великаго князя Святослава III была въ 1184 году война, недалеко отъ р. Орла. Татищева Ист. кн. III, стр. 256.

[25]) По совершенномъ разбитіи великимъ княземъ Святославомъ войскъ половецкихъ взятъ въ плѣнъ самъ князь Кобякъ съ двумя сыновьями, съ зятемъ, съ племянниками, съ братомъ, и съ многими другими князьями до 7000 войска.

[26]) О Кощеѣ упоминаетъ Татищевъ Исторіи своей въ кн. III, на стр. 159, что когда князь великій Мстиславъ II пошелъ въ 1168 войною на половцовъ, оный Кощей, ушедъ къ половцамъ, подалъ имъ предварительную о томъ вѣсть.

[27]) Святославъ Всеволодовичь, князь кіевскій.

[28]) Княженіе тмутораканское оставалось въ полной власти Россіи до тѣхъ поръ, пока существовало въ ней единоначаліе: но по раздѣленіи на удѣлы междоусобія князей и неповиновеніе ихъ къ великому князю подали причину къ нашествію иноплеменныхъ, и по мѣрѣ усиленія ихъ, власть князей въ Тмутораканѣ начала оскудѣвать такъ, что подъ лѣтомъ 1127 въ послѣдній уже разъ лѣтописи о семъ княженіи упоминаютъ.

[29]) Парды или пардусъ по латинѣ леопардъ. Татищевъ Исторіи своей въ томѣ III, на стр. 120 пишетъ, что Святославъ Ольговичь подарилъ великому

Они погрузили русскихъ въ море и великую хану подали отвагу. Уже превозмогла хула хвалу; возстало насиліе на вольность; уже повергся дивъ на землю. Се бо готскія красныя дѣвы [30]) воспѣли на брегахъ синяго моря, звоня русскимъ золотомъ. Поютъ времена Бусовы, прославляютъ мщеніе Шаруканово [31]), а мы, братіе, лишены уже веселія. Тогда великій Святославъ произнесъ златое слово, смѣшанное съ слезами, и рекъ: о мои дѣти, Игорю и Всеволоде! рано вы начали воевать землю половецкую и себѣ искать славы. Не похвально ваше сраженіе, ибо несправедливо кровь половецкую пролили. Ваши жестокія сердца изъ крѣпкаго харалуза скованы и въ буйствѣ закалены. Се ли сотвористе моей серебряной сѣдинѣ. Я уже не вижу власти сильнаго и богатаго и милаго моего брата Ярослава [32]) съ черниговскими боярами, съ богатырями, и съ татранами, и съ шелбирами, и съ топчанами, и съ ревугами, и съ олберами. Ибо они безъ щитовъ съ кинжалами крикомъ полки побѣждаютъ, гремя прадѣднею славою. Онѣ не говорятъ, что мы сами прежде одержимъ надъ непріятелемъ славу, а потомъ оную раздѣлимъ съ другими. А вотъ дивно братіе, ежели старикъ по молодѣетъ, когда сокола на охотѣ спускаютъ, онъ высоко птицъ загоняетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду, но то бѣда, что сія моя отвага князьямъ не пособитъ. Пришла на насъ несчастная година. Се Уримъ [33]) кричитъ подъ саблями половецкими, а Владиміръ израненъ. Скорбь и печаль сыну Глѣбову [34]). Великій княже

князю Ростиславу пардуса. Таковый же подарокъ сдѣлалъ и князь Юрій Владиміровичь князю Ольгу Святославичу при отправленіи брака сына своего Андрея. Изъ чего примѣчательно, что кожи сихъ звѣрей почитались въ древности дорогими.

30) По смыслу рѣчи должно разумѣть здѣсь дѣвъ половецкихъ, но почему называются онѣ готскія, сего утвердительно сказать не можно.

31) Шаруканъ городъ половецкій былъ близь рѣки Донца; онъ въ 1111 г. сдался безъ сопротивленія войскамъ великаго князя Святополка. Татищ. Ист. кн. II, стр. 207.

32) Ярославъ Всеволодовичь князь черниговскій.

33) Кого подъ именемъ Урима сочинитель здѣсь разумѣетъ, неизвѣстно.

34) Кого разумѣетъ сочинитель Глѣбовымъ сыномъ и котораго именно Глѣба, точно сказать нельзя, ибо по таблицамъ родословнымъ въ XII столѣтіи упоминаются четыре Глѣба: 1) сынъ князя великаго Владиміра Всеволодовича Мономаха отъ 1119 по 1135 въ Переяславлѣ на Днѣпрѣ; отъ 1135 по 1156 въ Переяславлѣ на Клешкинѣ озерѣ; 2) сынъ Ярослава Святославича отъ 1143 по 1178 въ Рязани; 3) сынъ Ростислава Изъяславича отъ 1158 по 1173 въ Минскѣ; 4) сынъ Юрія Владиміровича Долгорукаго отъ 1156 по 1170 г. въ Переяславлѣ. Сыновья у Глѣбовъ были: Владиміръ у Глѣба Юрьевича, княжившій отъ 1171 по 1187 въ Переяславлѣ. Ростиславъ у Глѣба Всеславича, княжившій отъ 1158 въ Полоцкѣ. Романъ у Глѣба Ростиславича, княжившій отъ 1167 въ Тмутораканѣ и Рязанѣ.

Всеволоде [35])! ни мыслію тебѣ не перелетѣть издалека, чтобъ сохранить отеческій златый престолъ. Ты можешь Волгу веслами разбросать, а Донъ шлемами вылить. Когда бы ты былъ, была бы чага по ногатѣ, а Кощей по резанѣ. Ты можешь по суку шереширы стрѣляти пособіемъ удалыхъ сыновъ Глѣбовыхъ. Вы отважные Руричи и Давиде [36])! не ваши ли златые шлемы въ крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкаетъ, яко тигры изранены саблями булатными на полѣ незнаемомъ? Вступите, господіе, въ златъ стремень за обиду сего времени, за землю русскую за раны Игоря буяго Святославича. Галицкій Гостомысле Ярославе [37]), высоко сѣдяй на своемъ златокованномъ престолѣ! Ты заперъ горы своими угорскими желѣзными полками, ты воспятилъ королю путь, затворилъ врата Дунаю, бросая времена чрезъ облаки, простирая власть свою до Дуная. Грозы твои по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отеческаго златаго престола султановъ въ чужихъ земляхъ. Стрѣляй, господине, Кончака и поганаго Кощея за землю русскую, за раны Игоря, отважнаго Святославича. А вы отважные Романе и Мстиславе [38])! храбрая ваша мысль возводитъ васъ къ подвигамъ великимъ.

---

[35]) По родословнику изчисляется Всеволодовъ 13-ть. Но изъ нихъ, судя потому времени какъ сіе сраженіе происходило, нельзя разумѣть какъ Всеволода Ольговича, который былъ сынъ князя Ольга Святославича тмутараканскаго. Онъ княжилъ отъ 1114 по 1125 въ Тмутараканѣ и Рязанѣ отъ 1127 по 1139 въ Черниговѣ, отъ 1139 по 1146 въ Кіевѣ.

[36]) Въ родословникѣ упоминается о трехъ Рурикахъ и о семи Давидахъ; но изъ нихъ ближайшіе ко времени сего сраженія были дѣти князя великаго Ростислава I Мстиславича. Кн. Рурикъ отъ 1177 по « » въ Бѣлградѣ въ Бѣлградѣ и Триполѣ удѣлѣ Кіевскомъ. Князь Давидъ отъ 1161 по 1163; отъ 1165 по « » въ Витебскѣ; отъ 1180 по 1198 въ Смоленскѣ. А можетъ быть не разумѣетъ ли здѣсь сочинитель князя Давида сына князя Святослава Ярославича который отъ 1076 по 1120 г. княжилъ въ Новѣградѣ-Сѣверскомъ; отъ 1114 по 1120 въ Черниговѣ; отъ 1146 по 1147 въ Тмутараканѣ и Рязанѣ?

[37]) По родословнику современный сему сраженію въ княженіи Галицкомъ на Волынѣ былъ князь Ярославъ I сынъ князя Владиміра Володарича отъ 1153 по 1188 годъ.

[38]) Въ родословникѣ изчисляется 8-мъ Романовъ: но изъ нихъ ближайшіе къ сему сраженію были только два. Первый сынъ князя великаго Мстислава II Изъяславича отъ 1170 по 1172 въ Новѣгородѣ, отъ 1171 по 1189 и отъ 1189 по 1198 во Владимірѣ на Волыни. Вторый князь великій, сынъ князя великаго Ростислава I Мстиславовича отъ 1159 по 1173 въ Смоленскѣ; отъ 1176 по 1177 въ Кіевѣ. Сей князь въ 1173 ходилъ на Литву, гдѣ великое разореніе учинилъ, жилища ихъ пожегъ и множество народа плѣнилъ, которые не смѣя противу его биться, бѣгали, по лѣсамъ и болотамъ укрываяся. Онъ же возратясь отдалъ плѣнниковъ въ работы по селамъ, повелѣвъ на нихъ пахать. Отчего произошла въ Литвѣ пословица: злѣ Романе робишъ, что литвиномъ

высоко возлетаете на подвигъ съ отвагою, яко соколъ на вѣтрель ширяяся, хотя птицъ въ своемъ стремленіи одолѣти. Вы имѣете желѣзныя латы подъ шлемами латинскими. Отъ нихъ потряслась земля и многія страны Хинова, Литва, Ятвяги, Деремила; и половцы свои метальныя копья повергли, а главы подклонили подъ тѣ мечи булатные. Но уже княже Игорю скрылся солнечный свѣтъ, и древо не отъ добра листвіе сронило: по Росѣ и по Сулѣ грады подѣлены, а Игореву храброму полку не воскреснуть. Донъ тебя, княже, кличетъ, и созываетъ князи на побѣду. Ольговичи [39]) храбрые князи поспѣшили на брань. Ингварь и Всеволодъ [40]) и всѣ трое Мстиславичи [41]) не худаго гнѣзда шестокрилицы не побѣда-

---

орешь. Чрезъ Мстислава здѣсь разумѣется князь Мстиславъ Ростиславичь братъ меньшій великому князю Роману Ростиславичу, княжившій въ Вышеградѣ. О семъ князѣ въ лѣтописи подъ лѣтомъ 1174 упоминается, что когда по смерти великаго князя Владиміра Мстиславича, Рурикъ Ростиславичь принялъ кіевскій престолъ и князь Андрей Юрьевичь, сынъ Юрія Владиміровича, будучи весьма недоволенъ, что Кіевъ изъ племени Владимірова вышелъ и достался Ростиславичамъ, послалъ съ гордостію сказать Рурику, чтобъ онъ Кіевъ непремѣнно оставилъ, то Мстиславъ, не стерпя такого гордаго приказанія, велѣлъ послу Андрееву остричь голову и бороду и отослалъ его къ Андрею съ презрѣніемъ. И когда Андрей, за сіе крайне разгнѣвавшись, собралъ великое войско и, призвавъ въ союзъ многихъ князей, пошелъ къ Кіеву, то Мстиславъ затворился съ немногими силами въ Вышеградѣ. И хотя сей градъ, будучи окруженъ многочисленнымъ войскомъ, находился въ крайней опасности, но Мстиславъ, выступивъ изъ онаго, все войско противныхъ, въ коемъ находилось 20 князей, разбилъ и прогналъ.

[39]) Ольговичи суть отъ племени Ольга Святославича тмутораканскаго, правнука великому Владиміру. У сего князя Ольга было пять сыновъ: Всеволодъ, Святополкъ, Игорь, Святославъ и Глѣбъ курскій. Изъ коихъ Всеволодъ княжилъ отъ 1114 по 1127 въ Тмутороканѣ; отъ 1127 по 1139 въ Черниговѣ. Святополкъ отъ 1127 по 1156 въ Тмутораканѣ. Святославъ отъ 1127 по 1136 въ Рязанѣ; отъ 1132 по 1147 въ Курскѣ; въ 1127 (sic) въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ (Глѣбъ)? отъ 1127 по 1157 въ Полтескѣ; отъ 1157 по 1164 въ Черниговѣ; Игорь Ольговичь имѣлъ удѣлъ въ Путимлѣ. У Всеволода Ольговича были дѣти Святославъ и Ярославъ: Святославъ отъ 1157 по 1164 въ Новгородѣ-Сѣверскомъ; отъ 1164 по 1177 въ Черниговѣ; отъ 1177 по « » въ Кіевѣ. Ярославъ отъ 1164 по 1178 въ Карачевѣ. У Святослава Ольговича было три сына: Олегъ, Игорь и Всеволодъ. Изъ нихъ Олегъ княжилъ въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ отъ 1164 по 1180; Игорь отъ 1164 по 1180 въ Курскѣ; отъ 1180 по 1201 въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ; Всеволодъ отъ 1164 по « » въ Трубчевскѣ.

[40]) По родословнику упоминается только Ингварь сынъ Игоря Глѣбовича, правнукъ Ростислава Ярославича, который былъ родной братъ Ольгу Святославичу.

[41]) Мстиславичи здѣсь разумѣются князи, происшедшіе отъ племени Мстислава великаго сына Владиміра Мономаха. Мстиславъ, скончавшись въ 1132

ми счастливыми вы власть себѣ получили, но вашими златыми шлемами, и копьями, и щитами ляцкими. Заградите полю врата своими острыми стрѣлами за землю русскую, за раны Игоря отважнаго Святославича. Уже Сула не течетъ струями серебреными къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочанамъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ Изяславъ [42]), сынъ Васильковъ, позвонилъ своими острыми мечами о шлемы литовскіе; затмили славу дѣду своему Всеславу [43]), а самъ подъ червлеными щитами на кровавой травѣ посѣченъ мечами литовскими. Не было тутъ брата Брячисла, ни другаго Всеволода [44]); единъ же изрони жемчужну душу изъ храбраго тѣла чрезъ златое ожерелье. Уныли голоса; поникло веселіе; трубятъ трубы городенскія: Ярославе и вси внуки Всеславли [45])! Уже понизите свои знамена, вложите въ ножны поврежденные мечи свои: вы далеко отстали отъ славы вашего дѣда, ибо вы своими крамолами начали наводить поганыхъ на землю русскую, на жизнь Всеславлю. Какое было насиліе отъ земли половецкой? На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ метнулъ Всеславъ жребій о дѣвицѣ, которая ему была люба. Онъ, подпершись клюками о коней, скочилъ къ граду Кіеву, дотknулся стружіемъ до златаго престола кіевскаго: вскочилъ оттуда лю-

---

году оставилъ послѣ себя пять сыновъ: Всеволода на княженіи переяславскомъ, Изъяслава на княженіи полоцкомъ, Ростислава на смоленскомъ, Святополка въ Новѣгородѣ, а Владиміра, яко младенца, при матери. У Изъяслава Мстиславича былъ сынъ Мстиславъ, который за свою храбрость, по смерти Ростислава Мстиславича, общимъ князей совѣтомъ избранъ на кіевскій престолъ.

[42]) Изъяслава сына Василькова по родословнику не значитъ, а упоминается о девяти Изъяславахъ; изъ нихъ однако, чтобы одинъ кто съ Литвою воевалъ, сего лѣтописи не показываютъ.

[43]) По родословнику упоминаются три Всеслава: 1) сынъ князя Брячеслава Изъяславича отъ 1044 по 1069 въ Полоцкѣ; 2) сынъ князя Давида Всеславича витебскаго отъ 1152 по «   » также въ Полоцкѣ; 3) сынъ князя Василья Рогвольдовича отъ 1161 по 1167 въ Полоцкѣ, а съ 1167 въ Витебскѣ. Но который здѣсь разумѣется Всеславъ? и былъ ли у его внукъ Изъяславъ Васильковичь? сего ни по родословнику, ни по лѣтописямъ не видно.

[44]) Родословникъ упоминаетъ о трехъ Брячиславахъ. Одинъ былъ сынъ Изъяслава Владиміровича; другой сынъ князя Василья Рогвольдовича. Но чтобъ они были братья Изъяславу Васильковичу, сего нигдѣ не видно.

[45]) По родословнику внуки у Всеслава были: 1) Рогвольдъ III сынъ князя Бориса Всеславича отъ 1128 по 1129 въ Полоцкѣ. 2) Володарь сынъ князя Глѣба Всеславича въ 1161 въ Полоцкѣ же. 3) Ростиславъ также сынъ Глѣба Всеславича отъ 1153 по «   » въ Минскѣ удѣлѣ полоцкомъ. 4) Брячиславъ сынъ князя Мстислава Всеславича. 5) Всеславъ сынъ князя Давида Всеславича отъ «   » по «   » въ Логожскѣ удѣлѣ полоцкомъ. Но о дѣлахъ сихъ князей лѣтописи ничего не пишутъ.

тымъ звѣремъ въ полночь изъ Бѣлаграда, покрытъ синею мглою; поутру же вонзивъ стрикусы, отворилъ врата Новуграду; попралъ славу Ярослава; скочилъ, какъ волкъ до Немиги. Съ Дуду-токъ на Немигѣ; снопы стелютъ головами; молотятъ цѣпями харалужными; на тоцѣ животъ кладутъ; вѣютъ душу отъ тѣла. Немиги брега кровавые не добромъ были посѣяны, посѣяны костьми русскихъ сыновъ. Всеславъ князь людямъ судилъ, князьямъ грады раздавалъ, а самъ ночью, какъ волкъ рыскалъ. Изъ Кіева добѣгалъ до Курска и Тмутораканя: къ великому Херсоню путь по волчью пересѣкалъ. Для его во Полотскѣ позвонили рано въ колокола утрени, а онъ во Кіевѣ звонъ слышалъ. Хотя и вѣща была душа въ добромъ тѣлѣ, но онъ часто бѣды терпѣлъ. Тому вѣщій Боянъ и справедливо разумную припѣвку сдѣлалъ: ни хитрому, ни умному, ни птицѣ умной суда Божія не миновать. Ахъ! стонать пришло русской землѣ поминая первую годину и первыхъ князей.

Того стараго Владиміра нельзя было привязать къ горамъ кіевскимъ.... Ярославнинъ гласъ слышится: она зегзицею незнаемою рано кличетъ: полечу, рече, зегзицею по Дунаю; омочу бебрянъ [46]) рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ; утру князю кровавыя его раны на мужественномъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачетъ во Путивлѣ на забралѣ [47]), говоря: О вѣтре, вѣтре! къ чему, господине, насильно вѣешь? къ чему мычешь на легкихъ своихъ крыльяхъ стрѣлковъ хиновскихъ на моихъ любезныхъ воеводъ. Мало ли тебѣ горъ подъ облаками, чтобъ вѣя носить корабли по синему морю? Къ чему, господине, развѣялъ ты веселіе мое по ковылію [48])? Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на забралѣ, приговаривая: о Днѣпре, славный! ты пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую. Ты носилъ на себѣ Святославли насады до полку Кобякова; принеси, господине, моего любезнаго ко мнѣ, чтобъ не слала я къ нему слезъ на море рано. Ярославна на морѣ плачетъ къ Путивлю, на забралѣ приговаривая: свѣтлое и пресвѣтлое солнце! всѣмъ тепло и красно еси: къ чему, господине, простерло еси горячіе свои лучи на милые вои? Къ чему въ полѣ безводномъ, при жаждѣ ихъ, устремляешь на нихъ свои лучи, творишь при горести неспособными тулы ихъ? Пошелъ въ полночь дождь съ моря; идутъ сморцы мглами. Игорю князю Богъ путь кажетъ изъ зем-

---

[46]) *Бебрянъ* думать надобно бобровый, ибо мѣхи сихъ звѣрей употреблялись въ древности на шубахъ.

[47]) *Забрало* рѣченіе древнее: означаетъ городовую стѣну; отъ сего происходитъ слово заборъ.

[48]) Ковыль трава, въ степныхъ мѣстахъ растущая, имѣющая на колосьяхъ остія, обсаженныя на подобіе перяной опушки.

ли половецкой на землю русскую къ отеческому злату престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дона до малаго Донца. Въ полночь приготовленъ конь: Овлуръ [49]) свиснулъ за рѣкою: велитъ князю разумѣть. Кликнулъ князю Игорю не быть. Стукнула земля, зашумѣла трава. Заставы половецкія подвиглись, а Игорь князь скочилъ горностаемъ къ тростнику и бѣлымъ гоголемъ на воду: бросился на борзаго коня и, скочивъ съ него, какъ волкъ, побѣжалъ къ лугу Донца, и полетѣлъ, какъ соколъ, избивая подъ облаками гусей и лебедей на завтракъ, на обѣдъ и на ужинъ. Игорь соколомъ полетѣлъ, а Овлуръ волкомъ побѣжалъ, тряся своимъ бѣгомъ студеную Росу. Замучили своихъ борзыхъ коней. Донецъ къ князю рече: княже Игорю! довольно тебѣ славы, Кончаку неудовольствія, а русской земли веселія. Игорь къ Донцу вѣщаетъ: о Донче! не мало тебѣ славы, когда лелѣялъ ты князя на волнахъ, постилая ему зеленую траву на своихъ сребреныхъ берегахъ, одѣвая его теплыми мглами подъ сѣнію зеленаго древа, имѣя его, какъ гоголя, на водѣ, какъ чаекъ на струяхъ, какъ чернядей на вѣтрѣхъ. Не такова рѣка Стугна: она, имѣя худое теченіе, пожираетъ чужія воды и разбиваетъ струги на кустахъ. Юношѣ князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ темные берега [50]). Плачетъ мать Ростиславля по юношѣ князѣ Ростиславѣ [51]). Увяли цвѣты отъ жалости и древа отъ печали къ земли преклонились. Не стрекочутъ сороки. По слѣдамъ Игоревымъ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Вороны тогда не граяли, галки замолкли, сороки не стрекотали, а только ползали по вѣтвямъ. Дятлы тектомъ путъ къ рѣкѣ кажутъ. Соловьи веселымъ пѣніемъ наступающій свѣтъ предвѣщаютъ. Сказалъ Гзакъ Кончаку: когда соколъ къ гнѣзду полетѣлъ, то разстрѣляемъ его соколицу своими злачеными стрѣлами. Отвѣтствовалъ Кончакъ Гзаку: когда соколъ къ гнѣзду полетѣлъ,

---

[49]) У Татищева въ лѣтописи именуется Лаверъ чиновникъ половецкій, котораго мать была русская изъ области Игоревой. Сей Лаверъ сдѣлалъ Игорю предложеніе, что если хочетъ въ домъ свой благополучно возвратиться, то онъ преподастъ ему къ тому способъ. Игорь прежде опасался ему ввѣриться, но послѣ отъ конюшаго своего и отъ тысяцкаго извѣстясь, что Лаверъ есть человѣкъ надежный, согласился на его предложеніе. И такъ въ назначенный день Игорь приставленную къ ему стражу напоивъ до пьяна, когда оная погружена была сномъ и кони за рѣкою Донцомъ отъ Лавра были пріуготовлены, онъ, прошедъ тихо половецкія заставы и переплывъ за рѣку, уѣхалъ.

[50]) Ростиславъ Всеволодовичь былъ братъ князя Владиміра Всеволодовича Мономаха. Онъ утонулъ въ 1033 году въ рѣкѣ Стугнѣ во время разбитія войскъ россійскихъ отъ половцовъ.

[51]) Мать Ростиславля, вдовствующая княгиня князя кіевскаго Всеволода Ярославича.

то опутаемъ его красною дѣвицею. Напротивъ сего сказалъ Гзакъ Кончаку: когда опутаемъ его красною дѣвицею, то не достанется намъ ни сокола, ни красной дѣвицы, и станутъ насъ птицы бить въ полѣ половецкомъ... Худо быть головѣ безъ плечь: худо быть тѣлу безъ головы, а земли русской безъ Игоря [52]). Возсіяло на небеси солнце: Игорь князь во землѣ русской. Поютъ дѣвицы на Дунаѣ: раздаются голоса ихъ чрезъ море до Кіева, Игорь ѣдетъ по Боричеву [53]) ко святѣй Богородицѣ пирогощей [54]). Страны обрадованы, грады веселы, поя пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ. Слава Игорю Святославичу, буй туръ Всеволоду и Владиміру Игоревичу. Будьте здравы князи и дружина, поборая за христіаны на поганые полки! слава князьямъ и дружинѣ, аминь.

III.

О соборѣ въ Переяславлѣ 1313 г.

О соборѣ, бывшемъ въ 1313 г. въ Переяславлѣ, о которомъ г. Татищевъ Исторіи россійской въ книгѣ четвертой на 93 стр. упоминаетъ,

---

[52]) Игорь разумѣется здѣсь тотъ самый князь новгородско-сѣверскій, о которомъ сочинена сія пѣснь; онъ поелику весьма былъ храбръ, то половцы требовали за его выкупу 2000 гривенъ серебра, т. е. вдвое противъ прочихъ князей.

[53]) Боричевъ урочище въ самомъ городѣ Кіевѣ, которое не индѣ быть, по описанію лѣтописей, является, какъ на горѣ къ Подолу, на самомъ томъ мѣстѣ, или близь онаго, гдѣ нынѣ церковь ап. Андрея первозваннаго находится. Сіе мѣсто въ первобытности было внѣ града и тутъ Владиміромъ поставленъ былъ на холмѣ идолъ Перуна, яко на мѣстѣ возвышеннѣйшемъ и красивѣйшемъ прочіихъ; а притомъ что и площадь между кумира и города довольная была для умѣщенія народа, стекающагося на торжественныя жертвоприношенія. На сей же площади былъ дворецъ великокняжескій, называемый теремнымъ, въ которомъ Ярополкъ убитъ отъ брата своего Владиміра. На самомъ томъ холмѣ, гдѣ стоялъ перуновъ кумиръ поставлена, по крещеніи Владиміровомъ, церковь св. Василія. Подъ самою сею горою имѣлъ прежде Днѣпръ теченіе; но по времени занесло пескомъ и сдѣлалось довольнаго пространства площадь, на которой нынѣ находится предмѣстье, названное Подолъ, попричинѣ низкаго ея положенія. Что мѣсто, гдѣ нынѣ Подолъ, было покрыто водою, и что Боричевъ подлинно надъ нимъ обрѣтался, свидѣтельствуютъ то нижеписанныя слова изъ Нестора: «древляне, прибывъ къ Кіеву, пристали подъ Боричевымъ; тогда бо Днѣпръ теченіе имѣлъ подлѣ горы кіевскія, а на Подоліи не было жилища, но на горѣ. Кн. II, стр. 36.

[54]) Богородица Пирогощая есть образъ владимірской Богоматери, писанный Лукою евангелистомъ, который изъ Царяграда принесенъ въ Кіевъ купцомъ Пирогощею. Князь Андрей Юрьевичь Боголюбской въ 1160 г., взявъ сію святую икону отъ отца своего кн. Юрья Владиміровича, принесъ въ новопостроенный градъ Владиміръ.

въ Кормчей книгѣ никакого извѣстія нѣтъ. Да и быть не можетъ, потому что въ ней изображены постановленія и правила однихъ греческихъ вселенскихъ и нѣкоторыхъ помѣстныхъ соборовъ. Въ началѣ же оной приложено одно историческое извѣстіе о установленіи въ Россіи патріаршаго престола при Ѳедорѣ Іоанновичѣ.

А въ житіи святителя Петра митрополита, изображенномъ Четій Минеѣ московскаго изданія во 2-й части декабря 21 дня и въ лѣтописи по Никонову списку въ 3-й книгѣ на стр. 132 и слѣдующихъ, согласно съ Минеею Четьею, показано: что по случаю оклеветанія и доноса отъ Андрея епископа тверскаго на святителя митрополита Петра патріарху цареградскому Аѳанасію собрался соборъ въ Переяславлѣ, на которомъ находилися и посланный клирикъ, со стороны Константинопольскаго патріарха, также Симеонъ епископъ ростовскій, Прохоръ игуменъ печерскій и множество князей, вельможъ, священниковъ и черноризцовъ.

На семъ соборѣ разсматриваемы были доносы на святителя Петра отъ епископа тверскаго Андрея, который лично въ оный былъ призванъ. И какъ всѣ оные найдены ложными и клеветническими, то святитель оправданъ, а клеветникъ посрамленъ. Въ заключеніи же дѣянія сего собора во Четьихъ Минеяхъ упоминается такъ: «въ то же время явился нѣкій еретикъ Сеитъ не покоряющся ученію святаго, того проклятію святитель Божій предаде и погибе злѣ злонравный».

А въ лѣтописи по Никонову списку тако: «въ то же время Исеинъ (и Сеитъ) еретикъ явися тужъ дая (чуждая) церкви Христовой и православной вѣрѣ мудрствуя, его же святый припрѣ и непокоряющся того проклятію предаде иже и изгибѣ».

Примѣчается, что г. Татищевъ учинилъ погрѣшность, приписавъ причину собора проявившемуся тогда еретику, который вѣрятно въ Четьихъ Минеяхъ и Никоновой лѣтописи называется Сеитомъ. Для сего не было нужды вызывать изъ Греціи посланника отъ патріарха. Петръ митрополитъ собственною своею властью безъ собора, или по крайней мѣрѣ соборно съ россійскимъ духовенствомъ могъ и изобличить еретика и предатъ проклятію.

Но истинная причина сего собора была возникшая важная ссора между Петромъ митрополитомъ и Андреемъ епископомъ тверскимъ, который злорѣчіями и оклеветаніями, взнесенными на святителя, поколебалъ тишину церкви россійской и привелъ въ возсмятеніе совѣсти, чрезъ то, по силѣ древнихъ святыхъ отецъ правилъ, и могъ и долженъ былъ патріархъ для оправданія одного, а другаго для осужденія созвать соборъ, дабы чрезъ то усмирить россійскую церковь.

И сіе видно и изъ того, что не Петръ митрополитъ и не вообще рос-

сійское духовенство созвали соборъ, но цареградскій патріархъ, не въ Москвѣ или Владимірѣ, но въ Переяславлѣ, яко ближайшемъ мѣстѣ къ Царюграду. Да и на соборѣ находился съ его стороны клирикъ, яко повѣренная особа, который безъ сомнѣнія занималъ на соборѣ первое мѣсто по силѣ древнихъ церковныхъ правилъ, и который о всемъ на немъ происходившемъ обстоятельное донесеніе учинить долженъ былъ патріарху.

IV.

О причинахъ собора въ Переяславлѣ.

Примѣчаніе, которое соизволили Ваше Императорское Величество сдѣлать о Переславлѣ, есть всесовершенно справедливо. Бывшія въ тогдашнее время безпокойства въ Малой Россіи, ради которыхъ митрополитъ Максимъ, оставивъ городъ Кіевъ, переселился во Владиміръ на Клязьмѣ, есть такое доказательство, которое ни малѣйшему не подлежитъ сомнѣнію. Ибо хотя Кіевъ взятъ Литовцами и семь лѣтъ спустя послѣ бывшаго собора, а именно въ 1320 году, но нельзя думать, чтобъ въ немъ или въ Переяславлѣ было тогда уже спокойно. Положить же соборъ сей въ Переяславлѣ на Днѣпрѣ подалъ мнѣ мысль присланный отъ патріарха клирикъ, яко довѣренная особа, который по правиламъ церковнымъ, занимая въ лицѣ патріарха первое на соборѣ мѣсто, могъ на оный созвать въ Переяславль, яко въ городъ къ Царюграду ближайшій, въ каковой ошибкѣ моей я испрашиваю всенижайше милостиваго прощенія.

Касательно же до изъясненной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ причины, отчего между Петромъ митрополитомъ и епископомъ Андреемъ произошла ссора и что сей епископъ былъ отъ роду князей литовскихъ, то признаюсь со благоговѣніемъ, сіи обстоятельства мнѣ совершенно были неизвѣстны, почему за вразумлѣніе меня оными пріемлю смѣлость принесть вѣрноподданническую благодарность.

О причинѣ же собора сего въ Никоновской лѣтописи на стр. 133 и 134 обстоятельно описано и точно сказано, что по прибытіи присланнаго отъ патріарха клирика, собранъ соборъ, на коемъ онъ и объявилъ предъ всѣми патріаршее писаніе къ митрополиту Петру по оклеветаніямъ тверскаго епископа. Объ еритикѣ же сказано только то, что онъ въ то же время явился и за непокорствіе свое преданъ святителемъ проклятію.

V.

О вспомогательномъ новгородскомъ войскѣ, пришедшемъ къ Дмитрію Донскому противъ Мамая.

Быша на Москвѣ гости новгородскіе съ торгомъ, именемъ Николай, Иванъ Васильевъ Усатый, Дмитрій Клюсковъ и иные многіе гости, слы-

шавше яко пріидоша вѣстницы изъ поля къ великому князю Дмитрію Іоанновичу, яко поганый царь Мамай идетъ плѣнити Русскую землю съ великою силою, да и се услышано бысть великому князю, Ольгердъ Литовскій и Ольгъ Рязанскій совокупишась съ Мамаемъ. Князь же великій бысть въ печали велицѣй, и вся земля московская смятеся о напрасномъ нахожденіи безбожнаго царя. Князь же великій отложи печаль, повелѣ воинству своему сбиратися вскорѣ, хотя изыти въ стрѣтеніе безбожному и пострадати за вѣру христіанскую. Прежде же реченные купцы, слышавше сіе на Москвѣ, возвратишася скоро въ Новградъ, и пришедше возвѣстиша посадникомъ своимъ вся. Слышавше же новгородцы о великомъ князѣ Дмитріѣ, прискорбни быша зѣло; притекше скоро ко архіепископу Евфимію, падше предъ нимъ и рече: вѣси ли, господине отче, каково случися великому князю Дмитрію Іоанновичу московскому и всему православному христіанству, яко царь Мамай идетъ плѣнити землю ихъ и вѣру нашу осквернити и церкви Божія разорити, а безумный Ольгердъ Литовскій и Ольгъ Рязанскій совокупишася съ Мамаемъ гонити вѣру Христову. Мы жъ, господине, слышахомъ, яко князь великій силою Божіею и своимъ высокимъ смиреніемъ ополчися противу ихъ, хощетъ за вѣру Христову умрети. Слышавъ же сіе Евфимій архіепископъ новгородскій, яко идетъ Мамай на христіаны, возмутися сердцемъ и пойде въ церковь, паде на лицѣ своемъ предъ образомъ пречистыя Богородицы и плачася горько, рече: всемірная царица, владычице чудная, Богородице милостивая и премилостивая владычице, чистая дѣва, нескверная мати Христа Бога нашего! умоли его, да смиритъ льва сего свирѣпаго поганаго Мамая, хотящаго осквернити пресвятое и великолѣпное имя твое и святые храмы разорити, и родъ христіанскій искоренити, пособи Господи великому князю Дмитрію надъ поганымъ Мамаемъ и возвыси Господи десницу христіанскую. Воставъ отъ молитвы, рече къ посадникомъ: коея ради вины пріидосте ко мнѣ? Они же рекоша ему: господине отче святый пріидохомъ къ тебѣ, аще благословиши насъ побѣдный вѣнецъ пріяти съ вѣрными русскими людьми Московскія земли, и хотимъ, господине, пострадати во единомъ мѣстѣ Христова ради имени. Архіепископъ же слышавъ отъ нихъ такія рѣчи прослезился и рече: благословенъ Богъ, иже таковая давшему въ сердца ваша, идите жъ и велите сбиратися народу, которую рѣчь принесетъ народъ, хотятъ ли совокупится противъ поганыхъ или ни?

Посадницы жъ новгородскіе на степени вшедше, повелѣша въ вѣстный колоколъ звонити и по всѣмъ улицамъ на конѣхъ ѣздити и кликати яко земная (sic) дума думати. И снидеся народъ многъ зѣло къ вѣсному звону. Посадницы жъ возвѣстиша святителю, что снидеся народъ многъ,

яко да умолчатъ отъ молвы. Архіепископъ же новгородскій Евфимій ста на степени высоцѣ и рече велегласно: мужіе великаго Новаграда отъ мала и до велика, слышите каково гоненіе приспѣ на вѣру Христову, яко поганый Мамай идетъ на Русскую землю на великаго князя Дмитрія московскаго и хощетъ вѣру христіанскую потребити и святыя церкви осквернити и родъ христіанскій до конца искоренити и сами, яко еще отъ безбожнаго Батыя въ разореніе страху сущу во земли нашей; великій же князь Дмитрій помощію Господа Бога и молитвами пресвятыя Богородицы вооружився противу поганыхъ и хощетъ желанное по христовѣ вѣрѣ пострадати. Молю же васъ, сыновъ своихъ, подвигнетеся и вы вѣры ради Христовы и да получите вѣчную жизнь. Слышавше же сіе новгородцы и возопиша вси единогласно: святый, честный отче нашъ, ты еси учитель нашъ, ты еси глава всѣмъ намъ, ты пастырь словеснымъ овцамъ, ты насъ благослови, яко готови есмы днесь кончати животъ свой вѣры ради Христовы и главы своя положити по Христѣ, а не мочно намъ, господине отче, отстати великаго князя Дмитрія Іоанновича Московскаго. Аще ли, господине, князь великій Дмитрій Іоанновичь спасенъ будетъ, дай же намъ, господине, собратись, твоимъ благословеніемъ вси пойдемъ на путь спасенія.

Епископъ же отъ нихъ пойде къ себѣ въ хоромы, мужіе жъ новгородстіи начаша выбирати отъ вельможъ своихъ воеводъ крѣпкихъ и мудрыхъ зѣло: 1-го Ивана Васильевича посадника, 2-го Ивана Васильевича Лутоху, 3-го Ѳому Михайловича Краснаго, 4-го Дмитрія Даниловича Заверожскаго, 5-го Михаила пана (sic) Львовича, 6-го Юрья Захарьевича Хромаго и съ ними отрядили избраннаго войска 40.000, и заповѣда имъ, яко заутро услышите колоколъ вѣстный, то вси готови будете на дворищѣ святаго Николы. Архіепископъ же Евфимій, заутро воставъ, повелѣ на заутрени воду святить со многихъ святыхъ мощей. И бысть первый часъ дни повелѣ въ вѣстный колоколъ звонити и снидеся множество. Архіепископъ же повелѣ многимъ попомъ и діякономъ кропити святою водою все воинство, самъ же архіепископъ возшедъ на высоко мѣсто, имѣя въ деснѣй своей руцѣ крестъ животворящій и возгласи веліимъ гласомъ: послушайте мене, чада, и приклоните уши сердецъ вашихъ: нынѣ, чада, хощете идти на путь спасенія и не утолите, чада, лица своего ни единъ отъ васъ отъ поганыхъ и не дайте плечь своихъ предъ ними въ бѣгъ, но вси единою смертію вкупѣ умрете, да животъ вѣчный постигнетъ васъ отъ Христа Бога. И рече ему все воинство единими усты: о честный отче! единъ есть Богъ свидѣтель, яко должны есмы умрети за вѣру православную. Архіепископъ же, оградивъ ихъ крестомъ и отпусти и рече: грядите и не умедлите, да не останетеся жизни вѣчныя. Они же всѣдши

на кони своя и наполнишася духа ратнаго и начаша ѣздити, яко златопарнiи орли по воздуху паряще, ищуще восточныя свѣтлости. И вси скоро идуще глаголюще, дай Господи намъ вскорѣ видѣти любезнаго великаго князя Дмитрiя Iоанновича. И яко приближитись имъ близь Москвы и возвѣстиша имъ инiи, яко на Коломну пошелъ. Они жъ отпустиша вѣстницы впредь себя къ великому князю Дмитрiю Iоанновичу возвѣстити свой приходъ, а сами скоро за ними пойде къ Коломнѣ. Бысть же тогда день воскресенiе Христово, а князь великiй тогда къ заутрени прiидоша и возвѣстиша великому князю, яко прiиде новгородстiи вѣстницы, а сказываютъ идутъ шесть воеводъ новгородскихъ, а съ ними избраннаго воинства 40000. Князь же великiй повелѣ вѣстники предъ себя поставити, яко хощетъ отъ нихъ вѣдати истину и поставиша предъ нимъ. Они жъ сказаша ему все по ряду. Князь же великiй вопроси ихъ, коль далече отсюду? Они жъ рекоша ему: пять поприщь. Онъ же слыша отъ нихъ прослезился и рече: Боже хвальный, Боже милостивый, Боже чудный, хвалю тя Господи, яко не отъ чаемыхъ даеши намъ помощь и радъ бысть вельми и посла много витязей въ срѣтенiе имъ. Они жъ пришедше сташа близь града Коломны, чудно жъ бяше воинство ихъ, паче мѣры уряженно, каменiемъ драгимъ и жемчугомъ порты жъ ихъ, и доспѣхи и сѣдла. Великiй же князь повелѣ воеводамъ ихъ и витяземъ большимъ предъ себя быти. Они жъ пришедше поклонишась ему. Князь же великiй прiимъ ихъ любезно и зва ихъ къ себѣ хлѣба ясти и сотвори великъ пиръ честенъ и радостенъ. И по семъ посла вѣстника къ преосвященному митрополиту Кипреяну и къ великой княгинѣ Евдокѣѣ. Они жъ, слышавше радостiю, прославиша Бога.

VI.

О мѣстѣ погребенiя иноковъ Пересвѣта и Ослабя.

Въ рукописной книгѣ, называемой Описанiе въ Москвѣ церквей, упоминается: «за Симоновымъ монастыремъ въ слободѣ Рождества Пресвятыя Богородицы, при которой придѣлъ преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго чудотворца, подъ колокольнею въ палаткѣ почиваютъ два монаха, которые отъ Сергiя чудотворца посланы были съ великимъ княземъ Дмитрiемъ Ивановичемъ Донскимъ противъ Мамая *Пресвѣтъ* да *Ослябя* въ лѣто отъ сотворенiя мiра 6888-е, а отъ Рождества Христова 1380».

Для лучшаго удостовѣренiя о семъ, писалъ я къ викарному московскому епископу Серапiону, прося его, чтобъ онъ приказалъ знающему человѣку обстоятельно о семъ справиться и мѣсто то осмотрѣть, нѣтъ ли тутъ какой надписи, или особаго какого преданiя? И получилъ отъ

него въ отвѣтъ слѣдующее: «во исполненіе требованія вашего достовѣрнѣйшая о семъ справка и со всякимъ прилежаніемъ на самомъ мѣстѣ осмотръ чинены; но не только какой нибудь надписи, или какихъ словъ, но ниже поминаемой подъ колокольнею полатки нынѣ на мѣстѣ томъ уже нѣтъ, ибо лѣтъ тому назадъ десять колокольня при помянутой церкви, по разобраніи старой, вновь сдѣлана. Но старожилы и прихожане, яко еще самовидцы сего, показываютъ, что надъ старою колокольнею полатка и въ ней два гроба и на нихъ камни были точно; но въ 1785 г. при помянутой церкви подъ строющуюся новую трапезу употреблены. Преданіе же о семъ и до днесь есть, какъ тѣ жъ старожильцы и церковники утверждаютъ, таковое: что тутъ погребены два монаха, посланные отъ преподобнаго Сергія чудотворца противъ Мамая, и какъ прежде многіе, такъ еще и нынѣ нѣкоторые по нихъ панихиды поютъ, поминая тако: преподобныхъ храбрыхъ воиновъ, на брани убіенныхъ Александра и Андріана, а иные де называютъ ихъ *Пересвѣтомъ* и *Ослябя*.